

Взгляды Патриарха Никона на отношение между светской и церковной властью в историческом освещении

А. Жуков

Введение. Главный предмет и метод исследования

Введение. Главный предмет и метод исследования

В течение всей истории Русской Церкви только однажды во всей исчерпывающей широте был поставлен вопрос о взаимоотношении церковной и гражданской власти – именно при патриархе Никоне. Патриарх Никон пользовался чрезвычайным влиянием не только в церковных, но и гражданских делах. Он в собственном сознании, в сознании царя Алексея Михайловича и всех правительственных учреждений и лиц мыслился, как рядом стоящий с царем. Царь называл его Великим Государем, – титулом, принадлежащим только царям; сам Никон подписывался Великим Государем и все правительственные лица воздавали ему почести царские. Затем, после некоторых недоразумений с царскими боярами, а также, заметив, что Алексей Михайлович по проискам бояр охладил к нему в любви и возревновал к власти, патриарх Никон оставил патриаршество, уехал в свой Новоиерусалимский монастырь, прервав на время все свои отношения с царем.

Недоразумениями между царем и патриархом Никоном враги последнего постарались воспользоваться с целью добить опального Патриарха. Боярин Стрешнев составляет 30 вопросов с обвинением патриарха Никона в новых обычаях и разных винах, а хитрый грек Паисий, митрополит Газский дает ответы – цель которых (т. е. вопросов и ответов) успокоить совесть царя, в душе чувствовавшего свою вину пред Патриархом и удержать его от примирения¹. Митрополит Паисий Газский в ответах стремился доказать, что патриарх Никон за оставление кафедры повинен извержению из сана, при этом Паисий Газский ответы свои написал в крайне глумливом над опальным Патриархом тоне, напр., вопросы-ответы 15, 16, 24, 25 (странным кажется, как подобное писание не претило царю и современникам).

Вопросы Стрешнева и ответы на них митрополита Паисия своим характером не могли не раздражать печальный дух опального Патриарха. Он пишет на них отповедь, озаглавив таковую: «Возражения или разорения патриарха Никона на вопросы Стрешнева и ответы Газского

митрополита Паисия. В этих возражениях патриарх Никон с чрезвычайной подробностью излагает свои воззрения на канонически законное положение церкви в Государстве и на должную норму отношений между властью царской и патриаршей.

Всякое событие, всякая мысль данного времени имеет свои корни в прошлом; для понимания события и для уяснения господствующей в данное время мысли необходимо обратиться к истории—самой беспристрастной свидетельнице. История пред нашим умственным взором раскроет причинную связь событий и тем даст нам верный ключ к пониманию их. Изложенные соображения обязывают нас исторически проследить возникновение при патриархе Никоне вопроса о должной норме отношения властей церковной и гражданской. На чем же нам нужно из истории Русской Церкви сосредоточить свое внимание, чтобы дать правильную оценку воззрениям патриарха Никона? Конечно, на том, что отстаивал патриарх Никон, что он считал канонической привилегией церковной власти. Патриарх Никон отстаивал право Церкви на владения недвижимыми именьями, неподсудность духовных лиц светскому суду и полную самостоятельность и независимость церковной власти в делах управления. Таким образом, нам необходимо изложить, конечно, кратко, как обстояло дело с указанными привилегиями Церковной власти в митрополичий период истории Русской Церкви и при первых патриархах до Никона.

Еще современники—враги святейшего патриарха Никона—перетолковали сообразно своим целям его воззрения; они обвиняли патриарха Никона в стремлении «расшириться» и над Государством, в ненасытном властолюбии; были попытки обвинить его даже в папизме, в стремлении соединить в лице патриарха власти церковную и светскую. Впоследствии, при Императоре Петре Великом, посмотрели на воззрения и действия патриарха Никона, как на «замах» духовной власти против государственной. Пред глазами составителя духовного регламента стояли главным образом события, связанные с делом патриарха Никона, когда он писал «Да не вспомнятся подобные (как в Греции и особенно в Риме) и у нас бывшие замахы». Все дело патриарха Никона, следовательно, придали политический характер; в предупреждение же чего либо подобного решено отменить будто-бы опасное для государства патриаршее управление Русской Церковью, уничтожить самую патриаршую власть и поставить в должную зависимость от государственной власти новое церковное управление.

Подобное же мнение о воззрениях и действиях патриарха Никона

можно встретить и в русской исторической литературе.

Некоторые ученые, как, например, известный историк Соловьев, Милюков и другие обвиняют Никона в стремлении захватить светскую власть в свои руки и называют воззрения патриарха Никона беспочвенными, противоречащими преданиям восточной церкви, утвержденным на Руси историею, папистическими. Насколько основательны указанные мнения, можно будет судить по сравнению исторически сложившихся в патриарший период отношений между светской и церковной властью с воззрениями самого святейшего Никона. Это вторая задача нашего исследования.

**Глава первая. Краткий очерк отношений
между светской и церковной властью за
митрополичий период.**

а) 1. Наделение князьями церкви и властей церковных средствами содержания и судебными правами. Церковные органы управления и суда.

Самостоятельность и независимость в церковном управлении и степень влияния духовной власти на общественно-государственную жизнь—вот начала, которые могут служить показателем той или другой высоты положения духовной власти и свидетельствовать о характере отношений между светской и духовной властью. Первые русские князья-христиане относились к «духовному чину», особенно к высшим иерархам церкви, с глубоким уважением прежде всего по религиозно-нравственным мотивам, как представителям новой христианской религии, которую, восприняв, они полюбили всею своею душою. Любовь к вере христианской они перенесли и на ближайших служителей Христа. Первым памятником добрых отношений князя к церковной власти является церковный устав святого Владимира.

Св. Владимир, крестившись сам, принял решительные меры к крещению всей Руси. Для сей цели он пригласил Митрополита, епископов и священников из Греции, а частью, вероятно, из Болгарии и Угорской Руси «да научат люди закону крестьянскому»². Первые на Руси христианские священнослужители имели организовать и церковное управление. Будучи искренно убежден в высоте христианского учения и в его величайшей пользе для русского государства, при нем уже обширного и сильного, Владимир почитал своим долгом создать Митрополиту с клиром достойную обстановку жизни. Он озаботился тем, чтобы Митрополит с клиром не только не терпел материальной нужды, но и имел бы из чего благотворить. В Уставе Владимира говорится, что он, Владимир, «создал Церковь святых Богородицы «Десятинную» и дал ей десятину по всей земле Русьтей и с княжения: от всего князя суда десятую векшу, а из торгу десятую неделю, а из домов на всяко лето от всякого стада и от всякого жита». Мысль этого места Устава такая: на содержание церкви Пресвятыя Богородицы в Киеве, т. е. Митрополита с клиром, для которого указанная церковь назначалась каедральною, князь отделяет от всех доходов со всех имений десятую часть—разумеется, как от доходов со своего личного хозяйства в имениях, так и от доходов княжеских; из княжеских доходов Митрополиту поступали десятая часть судебных пошлин и штрафов, десятая часть торговых или базарных сборов

и всяких полатей.

Грамота князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии дает основание полагать, что десятина первоначально в пользу Митрополита, а затем епископа каждой области взималась и со всякого частного имени—"чия си хоти», т. е. чьею бы то ни было³.

Митрополиты и епископы, конечно, имели доходы и от церковного служения и от священнослужителей и, как потом обстоятельства дают знать, от всех христиан.

Более солидным и основательным источником обеспечения церковных властей были недвижимыя имения, так как княжеские десятины, повидимому, имели место только при первых князьях, ибо о них с XIII века уже нет упоминания. Великие князья митрополитам, а удельные епископам дарили принадлежащая им села и вотчины. Этот вид обеспечения церковных властей особенно широкое распространение получил на северо-восточной Руси, во Владимире, хотя, несомненно, имел место и в Киевской области. Никоновская летопись называет город Синелиц, который принадлежал Митрополиту (под 1123 г.). Вполне вероятно, что Митрополиту принадлежал и Переяславль—резиденция митрополитов в первые 50 лет. Если Митрополиту мог принадлежать город, то, несомненно, ему были даримы и села и вотчины, так что Митрополит, или вернее кафедра Митрополита еще в до-Монгольской Руси была богатым помещиком.

Церковь святая Богородицы во Владимире великим князем Андреем Боголюбским была наделена «свободами купленными с даньми и селами лепшими» и городами⁴. Епископ Владимирский Симон пишет к Поликарпу в Патерике: «Кто не весть мене грешного Симона и сея соборные церкви красоты Владимирские: и другия Суздальские церкви, юже сам создах: колико имеета градов и сел"...

Кафедры Митрополитов и епископов получали земли не только от князей, но и от других богатых людей на помин души; довольно часто Митрополиты сами покупали, или же, исходя из высшего и богатого класса населения, с собой приносили кафедре и свои поместья. Таким образом, довольно быстро умножались недвижимыя имения церкви.

Засим, Митрополиты и епископы пользовались частью доходов и от монастырей, как верховные правители монастырей в качестве Епархиального епископа, а иногда и как настоятели монастырей. Некоторые монастыри наши были очень богаты землями, даже населенными холопами. Так Киево-Печерский монастырь уже в игуменство св. Феодосия начал владеть недвижимыми имениями. Князь

Ярополк Изяславич 1086 г. дал монастырю «Небльскую волость и Дервьскую и Лучьскую и около Киева»; дочь Ярополка, жена Глеба, вдала монастырю «пять сел и с челядью»⁵. Имели значительное количество земель и следующие древние монастыри: преподобного Антония Римлянина и Юрьев в Новгородской епархии. Другие монастыри также имели то или другое количество земель.

Главной причиной такого благоволительного наделения землей церкви и её представителей было с одной стороны глубокое уважение к ним и искреннее желание «обеспечить церковное строение», с другой-же стороны были и общественно-государственные интересы. Каюдра, получая во владение землю, принимала все средства обработать ее, заселить, устроить общинную жизнь и привязать население к месту жительства.

Поставленная материально независимо, церковная власть с самого начала христианства на Руси выступает, как авторитетный судья.

Эта область деятельности церковной власти имела весьма большое значение; судьи имели полную возможность прививать народу христианское воззрение на взаимное отношение друг к другу, к обществу, к церкви и т. д. Очевидно, руководясь указанным соображением гражданская власть в области суда предоставила духовенству чрезвычайные полномочия. Вот перечень преступлений, на которые распространялась по Уставу св. Владимира юрисдикция церковной власти: распуст (развод), смилное (тяжба о приданом), заставание (в прелюбодеянии), умычка (похищение девиц для брака), пошибанье промежи мужем и женою о животе (драка из за имения), в племени или в сватьстве поимуться (в родстве вступят в брак), ведьство, зелииничьство, потвори, чародеяния, волхования—(виды колдовства), урекания три: бляднею и зелии, еретичьство; зубоежа (драка, когда в ход пускались и зубы), или сын отца бьет или мать, или дчи или снъха свекровь, братья или дети тяжются о задницу (наследстве), церковная татба, мертвецы сволочать (обокрадывание мертвецов), крест посекут или на стенах режут, скот или псы или поткы (птицы) без великы нужи введет или ино что неподобно церкви подеет, или два друга иметася бити и едимого жена иметь за лоно другого и раздавить, или кого застанут с четвероножиною, или кто молится под овином или в рощеньи или воды или девка деля повръжеть».

По указанным проступкам у Митрополита и епископов судились все русские люди. Как усматривается из перечня проступков, подсудных церкви, большинство их стали таковыми с точки зрения христианской

Церкви, а в язычестве были явлениями ненаказуемыми. Гражданская власть предоставила в этой области полноту судебных прав предстоятелям церкви, конечно, в надежде, что митрополиты и епископы с большим нравственным авторитетом разберутся в виновности подсудимых.

Еще обширнее были судебные права Церкви над так называемыми «церковными» людьми, которые появились на Руси с самого начала христианства. Они, повидимому, во всех гражданских преступлениях, кроме тяжких уголовных, подлежали исключительно суду церковных властей: «митрополит или пискун ведает межи ими суд или обида или котора (ссора) или вражда или задница».

К людям церковным по Уставу св. Владимира отнесены: «игумен, поп, дьякон, дети их, попадья и кто в клиросе, игуменья, чернец, черница, проскурница, паломник, лечец, прощеник (получивший исцеление от болезни, как бы получивший прощение грехов), задщный человек (холоп, пожертвованный в церковь или монастырь по завещанию), стороник, слепец, хромец», и затем, церковные учреждения с людьми: манастыреве, болнице, гостинници, странноприимнице.

Кроме того, уставом предусматривается «обчий» – смешанный суд, когда тяжбы разбирают судьи церковные и светские; такой суд должен быть тогда, когда «иному человеку (т. е. мирянину) будет с тым человеком (т. е. с людьми церковными) речь т. е. спорная речь». За нарушение изложенного Устава святой Владимир угрожает небесным наказанием.

Мы привели выдержки из Устава св. Владимира по списку Новгородской Кормчей конца XIII века, почитаемому среди нескольких других древнейшим, напечатанному в I т. дополнений к Актам историческим и у Карамзина в Истории т. I, прим. 506. Может быть этот список не составляет точной копии с неизвестного подлинника, но для нашей цели совершенно достаточно несомненное положение, что известный нам Устав св. Владимира – памятник первых веков христианства на Руси. Несомненным, таким образом, будет утверждение, что область суда церковного была очень обширна.

Судебные права церкви, как и владельческие, имели тенденцию расширяться и мы видим, что в XV в. суду церковной власти стали подлежать дела «по рядным и по кабалам и в боех и в грабежах⁶, т. е. уже тяжкие преступления.

Через кого же производилось управление церковными имениями и отправлялся суд?

Митрополит и епископы в своих епархиях были главными правителями и судьями. В помощь себе, как мы видим из Устава св.

Владимира, они избирали наместников из духовных лиц, которые, надо полагать, были как в стольном городе, так и по малым городам. Затем, при кафедре Митрополита или епископа было значительное количество пресвитеров, которые и составляли совет и исполняли все поручения своего Иерарха. Засим, с самых первых времен христианства на Руси при Митрополите и епископах состояли 1) тиуны и 2) десятичники. На обязанности тиунов было изучение Кормчей и узаконений русских князей или иначе—быть законоведами по делам Церкви и своими знаниями помогать отправлению правосудия.

Десятичники были финансовыми чиновниками епархии. Они собирали в пользу Митрополита или Епископа установленные части с княжеских имений и доходов, налоги с духовенства, управляли недвижимыми имениями владыкъ... Первоначально, существуя только для денежных сборов, десятичники мало по малу обращены были самими Епископами в органы надзора и за поведением духовенства. Как тиуны, так и десятичники были людьми светскими. Приобретая все больше и больше влияния на дела церковные, они во времена Митрополитов Петра и Алексия превращаются уже в архиерейских бояр, количество которых при Митрополите Алексии было особенно велико по личной к тому склонности самого святителя.

б) 2. Неудачные попытки некоторых великих князей ограничить создавшиеся на Руси привилегии Церкви и церковной власти.

Юрисдикция церковной власти и владельческие права Церкви за весь митрополичий период были неодинаковы; обычно было так, что с ростом государственной власти владельческие права Церкви сокращались, а за ними сокращалось и общественно-государственное значение церковной власти. Со времени объединения Русской земли под властью одного Московского князя, со времени усиления государственной власти, начинается в отношениях её к церковной власти совершенно обратный вышеизложенному процесс. Начинается сокращение как судебных, так, особенно, владельческих прав Церкви.

Светская власть в некоторые периоды тяготилась судебными правами Церкви. Церковная власть судила не только духовных и мирских людей, но и пользовалась от суда пошлинами, а в пошлинах очень сильно иногда нуждались и князья. На помощь князьям пришло их право выдавать несудимыя грамоты. Этими грамотами великие князья освобождали монастыри и причты от всякой подсудности епархиальному Архиерею, даже по делам духовным, или кроме дел духовных. Получившие несудимыя грамоты монастыри с духовными властями и крестьянами и причты церковью с освобождением от подсудности Архиерею иногда освобождались от всякой пошлины и сборов в архиерейскую казну и переходили в ведение Государя. Несудимыя грамоты внесли невообразимую путаницу в суд церковный, не говоря уже о том, что оне были с церковной точки зрения совершенно противозаконны. В одном и том же монастыре архимандрит, имея несудимую грамоту, судился царским судом, а братия святительским, крестьяне же опять царским, а так как нередко были взаимные столкновения этих трех категорий лиц, то и получалась неразбериха: кто должен их разсудить. Подобная же путаница происходила и в тех случаях, когда получал несудимую грамоту настоятель какого нибудь собора, а прочие члены клира должны были судиться святительским судом. Церковной власти не могло нравиться такое вмешательство гражданской власти в церковную жизнь.

Стоглавый собор возстал против несудимых грамот, называл их противными священным канонам и постановил «впредь таковым грамотам не быти»⁷.

Возстав против несудимых грамот, Стоглавый собор дал регулирующие дело суда постановления, свидетельствующие в некоторых пунктах об уступках, сделанных собором светской власти. Со времени увеличения населенных крестьянами церковных владений, подлежащих управлению и суду церковной власти, архиереи чрезмерно умножили количество светских лиц, которых по поручению архиерея обезжали церковные владения по делам управления, суда и собирания пошлин. Стоглавый собор выработал нормы их деятельности. «А что в митрополии и в архиепископиях и в епископиях по которым градом и по десятинам искони вечно уставлены и жили десятинники при великих чудотворцах Петре и Алексии и судили весь священнический и иноческий чин и все причты церковные и прочих людей по рядным и по кабалам и в бoех и в грабежах опрочи духовных дел и ныне по тем градом быти десятинником потому ж и судити им священников и диаконов и все причты церковные и мирских людей по рядным грамотам и по духовным и по кабалам и в поклажах и в бoех и в грабежах, опрочи духовных дел»⁸.

Из приведенного постановления видно, что суду светских чинов подлежит обширная область гражданских дел духовного ведомства, как это повелось исстари; не упоминается здесь иноческий чин, который другими постановлениями собора изъимается от суда светских лиц.

«Царевым боярам и митрополичьим архимандритов и игуменов и игумений и строителей ни в которых делах не судити, но судят их святители сами по священным правилом»⁹, а простых иноков и инокинь должны судить сами архимандриты и настоятельницы во всех делах, опрочи духовных дел¹⁰.

Стоглавый собор, уступая давлению светской власти, допустил на суд бояр святительских, градских старост и целовальников и земских дьяков¹¹. Градский староста, целовальники и дьяк участвуют в суде по указу государя. Таким образом, суд по гражданским делам над церковными людьми по своему составу был почти из лиц светских. К этому следует добавить, что, по Стоглаву же, святительские бояре и дворецкие, а также дьяки не могут быть ни отсылаемы, ни поставляемы без «царева ведома»¹². Относительно суда по духовным делам Стоглавым собором постановлено: «А в духовных делах десятинники не судят никого, а срочат им пред святители и святители их сами судят или кому повелят от священных, да потому им и управу чинят»¹³.

Церковь за митрополичий период была самым богатым помещиком; пока потребности в земле не было, светская власть покровительственно относилась к владельческим правам церкви. Со времени главным образом

Иоанна III-го положение изменилось. Взяв в свою власть и управление всю русскую землю, великие князья, начиная с Ивана III-го, принуждены были иметь громадное количество служилых людей как для внутреннего управления, так и для оберегания границ Русской земли. Явилась сама собой забота об обеспечении служилых людей—чтобы они ни в чем не терпели недостатка. Так как в то время единственно надежным средством обеспечения являлась земля, особенно населенная, то великие князья стали в громадном количестве раздавать ее в поместное владение служилому классу. Когда не стало хватать населенных земель для раздачи служилым людям, светская власть сделала попытки отобрать некоторые церковные земли для этой цели.

Иоанн III-й впервые по завоевании Новгородской земли взял у владыки 10 волостей и половину волостей у шести монастырей¹⁴. Под влиянием идей преподобного Нила Сорского о нищете, как подвиге, Иоанн III хотел было отобрать все монастырские владения. На защиту земельных владений церкви решительно встал собор русских святителей 1503 г., высказав: «святители и монастыри земли держали и держат, и отдавати их не смеют, и не благоволят, понеже вся таковая стяжения церковная—Божия суть стяжания, нареченна и данна Богу, и непродаема, ни отдаема, ни емлема никим никогдаж в веки века»¹⁵.

На защиту церковных владений выступил и Стоглавый собор. Он сделал постановление о неотчужденности церковных имений¹⁶, хотя, уступая настояниям Иоанна Грозного, вместе с тем постановил, чтобы монастыри не обременяли государя просьбами о пожаловании земель, и впредь архиереи и монастыри не должны ни покупать вотчин, ни принимать по душам без доклада государя, иначе эти вотчины будут безденежно отбираемы на государя¹⁷.

Попытки к ограничению судебных и владельческих прав церкви не привели к каким либо результатам с одной стороны потому, что встретили протест со стороны церковной власти, с другой потому, что они носили случайный, непостоянный характер. Только при некоторых государях меры правительства к сокращению прав церкви получили более решительный характер. Вообще же гражданская власть в своих ограничительных по отношению к церковной власти действиях не была последовательна. Правительство часто допускало отступления от своих указаний дарованием Митрополиту, епископам и монастырям всякого рода жалованных грамот; еще сильны были религиозно-нравственные начала жизни, и высок был авторитет духовной власти.

с) 3. Митрополит, как верховный правитель Русской Церкви.

Всею Русской Церковью правили митрополиты. Первоначально, в период до-монгольский и затем московский до Митрополита Ионы наши митрополиты за некоторыми исключениями избирались в Константинополе, конечно, из греков и там же и получали от патриарха посвящение. Вследствие таким образом сложившегося возглавления Русской Церкви государственная власть в лице великих князей не имела никакой возможности вмешиваться в избрание Митрополита.

Митрополиты Русской Церкви, находясь до святителя Ионы в канонической зависимости от Константинопольского Патриарха, во внутреннем управлении церкви действовали самостоятельно. Они посвящали для удельных городов епископов; говорим только о посвящении, так как о каноническом избрании не приходится говорить. Изначала повелось, что на избрание епископов решительное влияние оказывал князь, а в Новгороде народное вече, и это правило было настолько общедействующее, что автор Лаврентьевской летописи (под 1185 г.) утверждает, что на святительский чин достоин восходить только тот, «кого князь восхощет и людье».

Митрополиту принадлежал суд над епископами. Митрополит Ефрем в 1055 году судит епископа Новгородского Луку Жидята и заключает его. В 1156 г. Митрополит Константин I-й судит Ростовского епископа Нестора и по тщательном рассмотрении обвинений, несмотря на настойчивое желание князя, оправдывает. Впрочем, князья иногда пренебрегали судом Митрополита и, повидимому, безнаказанно. Вышеуказанного епископа Нестора Митрополит оправдал, но князь Андрей Боголюбский свел его с кафедры и избрал другого, по имени Леона, которого тоже несколько раз самовольно лишал кафедры. Черниговский епископ Антоний в 1168 г. был прогнан с кафедры князем Святославом без всякого суда. Но вообще то случаи такого безцеремонного отношения к епископам были единичны и объяснялись иногда личными недостатками епископов, напр. епископ Леон Ростовский обвиняется в том, что он «грабил попов», нужно думать взимал с излишней настойчивостью личные с духовенства налоги в пользу епископа.

Новгородцы, захватившие себе право избрания епископов, в отношении к ним при всем своем чрезвычайном почитании, иногда проявляли крайнюю грубость; так архиепископ Арсений (в первой

половине XIII столетия) был буквальным образом вытолкан с архиепископского двора и едва избежал смерти, а некоторым другим, почему либо не понравившимся, новгородцы предлагали добровольно удалиться, говоря «пойди, где ти любо». Это не каноническое избрание и смещение епископов—одно из темных пятен церковной старины; объясняется оно с одной стороны нравами того времени, а с другой трудностью сообщений с Митрополитом; иногда отношения между князем и епископом создавались невыносимыя, а сождать решения Митрополита приходилось годы. Князь считал себя ответственным за благосостояние не только княжества, но и Церкви, и таковым мыслился самими представителями Церкви, а потому и считал себя обязанным принимать экстренные меры. Вот выдающийся случай, оправдывающий вмешательство князя в дело суда: когда с Флорентийского собора возвратился Митрополит Исидор, как сторонник унии с католической церковью, великий князь Василий приказал схватить его и заключить под стражу и уже потом собрал на него собор из епископов, архимандритов, игуменов и всего священства¹⁸.

В границах по нужде допустимого в деле лишения епископов кафедр князья не пребывали, а иногда допускали явно незаконные по отношению последних действия. Так, Черниговский князь Святослав в 1168 г. прогнал от себя епископа Антония за то, что он учил о посте в Господские праздники, за то же был прогоняем и Леон Ростовский. Вопрос о посте, конечно, по своему характеру исключительно церковный и вмешательство князя было уже насиллием.

Митрополиты по делам всей Русской Церкви собирали соборы. К сожалению приходится предполагать, что епископы уклонялись от прихода к Митрополиту на собор, а потому соборы были не ежегодно, как бы следовало по канонам, а только в случаях важных обстоятельств церковной жизни. Митрополит Иоанн (1077–1089 г.г.) в правиле черноризцу Иакову говорит об уклонениях епископов от прибытия на собор¹⁹. Следует заметить, что от до-Монгольского периода сохранилось чрезвычайно мало исторических документов, поэтому если памятник говорит о каком нибудь событии, напр., собрании епископов всего один или два раза, то следует предполагать, что собрание было не один или два раза, а гораздо более и только не сохранилось о сем записей; начиная со времени Митрополита Кирилла III-го, сохранились письменные памятники деяний соборов. При Кирилле III в 1274 г. состоялся так называемый Владимирский собор при участии епископов Новгородского, Ростовского, Переяславского и Полотского. Собор составил так

называемое «Правило», касающееся разных нестроений церковной жизни. Так, собором запрещается епископам взимать плату за посвящения в священные степени, налагать на мирян незаконные отлучения, принуждать нищих, находящихся на попечении епископа, к работам. Другия определения направлены против погрешностей в совершении богослужений и таинств. Имеются определения против пьянства священников; вооружается собор против позорищных забав мирян и языческих обычаев. Затем упоминается о соборе епископов в 1284 г. (деяний не сохранилось), в 1353 г. собор в Москве про причет церковный (деяний не осталось), в 1401 г. собор, осудивший архиепископа Новгородского Иоанна и епископа Слуцкого Савву; и много других соборов известны по церковной истории за митрополичий период, из них особого упоминания заслуживают следующие: собор 1503 г. при Митрополите Симоне и деятельном участии великого князя Иоанна III, повторивший постановления Владимирского собора более полно и обстоятельно и, кроме того, выступивший на защиту монастырских владений, о чемь—особая речь; собор 1504 г. на жидовствующих, соборы 1547 и 1549 годов о канонизации святых и самый знаменитый Стоглавый собор 1551 г., на котором сделаны постановления, касающиеся всех сторон церковной жизни, как то: церковного богослужения, управления, суда, жизни духовенства, монашества и мирян.

Наиболее знаменитые соборы 1503 и 1551 годов происходили при весьма деятельном участии царей, так что Иоанн Грозный даже выставляется инициатором Стоглавого собора, но о решительном влиянии их на постановления собора нет оснований говорить. Соборы находили возможным некоторыя домогательства светской власти, главным образом, в области земельных владений, отклонять.

Для выяснения отношений великих князей к Русской церковной власти важно, как обстояло дело с избранием митрополитов из русских, т. е. вмешивалась светская власть в это избрание или же предоставляла полноту власти собору епископов. Из истории известно, что в до-Монгольский период только два митрополита были поставлены в России из природных русских: Иларион и Климент. По каким причинам было в этих двух случаях уклонение от принятого порядка, сказать на основании исторических данных не представляется возможным; только известно, что в обоих случаях деятельное участие принимали князья. Так, великий князь Ярослав, будучи крайне оскорблен греками, зверски ослепившими 800 русских пленников, решил, или как говорится в летописи «Бог князю вложи в сердце» поставить Митрополита из русских и собором русских же

епископов поставлен был Илларион. Этот случай был в 1051 г. и второй случай в 1147 году, когда великий князь Изяслав Мстиславич, будучи недоволен бывшим Митрополитом Михаилом греком и зная о смутах в Греческой патриархии, собрал в Киеве собор, который избрал на кафедру Митрополита Климента Смолятича.

Со времени Монгольского ига первый же Митрополит Кирилл III († 1281 г.) был избран великим князем Галичским из русских, но для поставления ездил в Константинополь, откуда и прибыл в 1248 году. Вскоре же он был признан в своем достоинстве и великим князем Владимирским. Избрание в России и посвящение в Константинополе – вот новый порядок, который на первых порах достаточно удовлетворил великих князей. После Митрополита Максима-грека, так же, как и Кирилл III, был избран в Митрополиты Галичским князем Юрием Львовичем св. Петр – († 1326 г.), который в Константинополе был поставлен в 1308 году в Митрополиты всей Руси. Митрополит Петр был встречен великим князем северной Руси Михаилом Ярославичем недружелюбно, как поставленный помимо его желания; Михаил Ярославич посылал для поставления своего кандидата, некоего игумена Геронтия. Считаясь с отношением к себе великого князя, св. Петр нашел для себя более удобным проживать не во Владимире, а в Москве, изъявив согласие князю Ивану Данилову Калите быть в Москве и погребенным. Митрополит Петр, как угодник Божий, прославленный чудесами со дня своего погребения, возвысил значение кафедры Московской и потому преемник его Митрополит Феогност, хотя и грек, избрал местом своего жительства тоже Москву, отчасти побуждаемый к этому и великим князем Иваном Калитой, видевшем в пребывании Митрополита средство возвышения Москвы, как политического центра.

Преемник Феогноста был предъизбран еще при жизни Феогноста. Митрополит Феогност и великий князь Симеон Иванович избрали кандидатом в Митрополиты Алексия, будущего великого святителя земли Русской, который и был посвящен в Константинополе в 1354 году. Затем, после продолжительного периода Митрополитов-греков на митрополичий престол избирается св. Иона, епископ Рязанский, который и поставляется в России 15 декабря 1448 г.

О поставлении св. Ионы был приговор, по свидетельству самого Ионы, великого собора из епископов, архимандритов, игуменов и из всего священства²⁰. Таким образом с 15 декабря 1448 года Русская Церковь приобрела полную самостоятельность, или, как говорится на каноническом языке, автокефальность. Последующая история в

управлении Русской Церкви нам покажет, какое значение для Русской Церкви имела эта автокефалия. Преемник св. Ионы Феодосий (1461–1464) был избран еще при жизни св. Ионы. Умиравший Митрополит вместе с великим князем Василием Васильевичем и некоторыми епископами решили избрать Феодосия. Св. Иона написал на его имя благословенную грамоту и приказал положить на престол в Успенском соборе²¹. Как св. Иона предъизбрал своим преемником Феодосия, так и Феодосий избрал пред тем, как удалиться на покой, себе преемника, епископа Суздальского Филиппа (1464–1473 г.). Но это избрание Феодосий совершил не единолично, а «поговоривши с своим сыном, а с нашим господином, с великим князем, и с его матерью с великою княгинею и с нашею братиею, архиепископом и епископы»²².

Преемник Митрополиту Филиппу епископ Коломенский Геронтий (1473–1489 г.) был избран собором епископов при участии великого князя и его братьев²³. Следующий же за Геронтием Митрополит Зосима (1490–1494 г.) избран был великим князем без участия собора. Случай прямого назначения князем на митрополию Зосимы оказался чрезвычайно неудачным. Зосима не только был пийца и вообще сомнительной нравственности человек (Иосиф Волоколамский обвиняет его в содомизме), но и тайный еретик. Митрополит Зосима оставил престол не своею волею, а лишен престола, повидимому, по настоянию главного борца против ереси жидовствующих Геннадия, Архиепископа Новгородского. Следующим Митрополитом был Симон (1495–1511). По летописям в избрании Симона участвовали епископы, но по тем же летописям следует думать, что еще раньше соборного избрания Симон по повелению князя исполнял обязанности Митрополита. Таким образом воля великого князя предшествовала избранию. Чрезвычайно интересно указание в летописях впервые речи великого князя при вручении жезла: «Всемогущая и Животворящая святая Троица, дарующая нам всея Руссии государство, подает тебе сии святые великии престол архиерейства»²⁴. Великий князь, по приведенным словам, присвоит себе полномочие вводить во власть Митрополита, основывая сие полномочие на своей власти, полученной от Животворящая Троицы. Ясно, что этим он подчеркивал свое значение в делах управления Церковью.

Последующие Митрополиты–Варлаам и Данииль–были поставлены исключительно по указу великого князя Василия Иоанновича, еще более властного, чем его отец. Поставив своею властью Варлаама, великий князь не усумнился своею же властью свести его с престола, а на место Митрополита назначить более угодливого кандидата: игумена

Волоколамского монастыря Даниила, который в малолетство Иоанна Грозного, подобно своему предшественнику насильно был сведен с престола правителем Василием Шуйским. Преемник Даниила Митрополит Иосаф был избран особым чином, о котором до него не сохранилось известий. Он, по примеру Новгородских владык, избран был из трех кандидатов путем жребия. В виду чрезвычайной заинтересованности борющихся в малолетство Иоанна Грозного партий (Шуйского и Бельского) в том или другом кандидате на Митрополичий престол нужно полагать, что все три кандидата одинаково были желательны для властвующего в то время Шуйского. В скором же времени Шуйский, убедившись, что симпатии Митрополита Иосафа на стороне противной партии, насильственно свел его с престола. Совершенно согласно канонам был избран преемник Иосафа Митрополит Макарий (1542–1563) из архиепископов Новгородских; в его избрании принимал деятельное участие собор из 8 епископов, а не только светская власть, при чем долгое время Макарий отказывался от кафедры Митрополита. По смерти Митрополита Макария последующие Митрополиты Афанасий, св. Филипп, Антоний и Кирилл самовластным царем Иоанном Грозным назначались и низводились по произволу. Даже при смиреннейшем царе Феодоре Иоанновиче, по наущению Бориса Годунова, был насильно удален с кафедры Митрополит Дионисий. Последний Митрополит и первый патриарх Иов был избран царем Феодором Иоанновичем и правителем Борисом Годуновым из епископов Ростовских.

Мы нарочито довольно подробно остановились на моментах избрания и низведения Митрополитов, чтобы уяснить, как обстояло дело с этой стороны в вопросе об отношении церковной и гражданской власти. Русские митрополиты были избираемы в общем с соблюдением канонических правил. Великий князь оказывал на это избрание влияние, но по всем данным до 2-й половины XV века принимал в соображение и голос собора епископов и прежде всего голос Митрополита, называвшего себе преемника еще при жизни и только со времени великого князя Ивана Васильевича III, отличавшегося особой властью, были случаи, когда великий князь по своему желанию назначал Митрополитов.

d) 4. Влияние церковной власти на государственные дела.

С самого начала христианства на Руси и во весь митрополичий период особым влиянием в жизни государственной пользовался Митрополит; «Отец наш Митрополит» – вот обращение к лицу Митрополита во всех официальных грамотах. В удельный период митрополиты своим вмешательством неоднократно останавливали готовую разразиться братоубийственную войну; ослушников они грозили лишить церковного общения. Своим подписом митрополиты скрепляли крестоцеловальные грамоты князей и затем блюли о сохранении договоров; пред ним князья разбирали свои споры и его решению подчинялись: «а о чем ся сопрут, ино им третий Митрополит, а кого он обвинит, ино обидное отдати», говорилось в княжеских договорах.

Выдающимся было влияние первых Митрополитов Московского периода. История возвышения Московского князя, история объединения России совершилась при деятельном участии Митрополитов Петра, Феогноста, Алексия, Фотия, Ионы и Макария.

Св. Петр избирает своей резиденцией Москву и тем уже дает ей значение первого города Русской земли, а князю – высокое звание покровителя Православной Русской Церкви. Митрополит Феогност даже анаэму произносит псковичам за то, что они приютили у себя Тверского князя Александра Михайловича, выдачи которого требовал великий князь Московский Иоанн Калита. Симеон Иванович завещает своим братьям «слушать Митрополита Алексея, как отца». И святитель Алексей действительно был отцом князей, в малолетство их управляя государством и душу свою полагая за законность, правду, за мир и тишину Государства.

Новый порядок престолонаследия от отца к сыну поддерживается Митрополитом Фотием. Великий князь Василий I-й, умирая объявил великим князем малолетнего сына своего Василия и Фотий встал на защиту его и удержал брата покойного Юрия Звенигородского от предъявления своих прав и между-усобной войны.

Святитель Иона также поддерживал великого князя Василия уже против притязаний детей вышеупомянутого Юрия. В окружной грамоте по случаю своего поставления он обличает Димитрия Юрьевича (Шемяку) за то, что он нарушил свою клятву подчиняться Московскому великому князю Василию Васильевичу, а других князей с клятвой увещевает быть верными новому порядку.

Святитель Иона являлся выразителем мнения собора русских епископов, который не задолго до поставления Ионы, составил определение, осуждающее удельный порядок престолонаследия, а Шемяку сравнивает за клятвопреступление с Каином и Святополком окаянным и грозит ему отлучением от церкви в случае неповиновения.

Примеров, когда митрополиты приходили на площадь великому князю своими советами и наставлениями очень много. Особенно обширна была деятельность Митрополита Макария, хотя многотрудно было положение церковной власти в его время при царе Иоанне Грозном; не смотря на это, во все время своего правления Митрополит оказывает влияние на государственную жизнь и на самого царя. Сам Иоанн Грозный не однажды свидетельствовал Митрополиту Макарию свое глубокое уважение. Так после страшного Московского пожара 1547 г. публично обратился к Митрополиту Макарию с такими словами: «молю тебя, святой Владыко, будь мне помощником и поборником в любви»²⁵. К нему прибегает царь, когда нужно было защитить Воронцова от Шуйских, хотевших его убить; у него он спрашивает совета и долго беседует с ним по вопросу о вступлении в брак; пред ним дает обет исправиться после пожара 1547 года; у него же просит помощи и руководства на последующее время. Отправляясь в поход против Казани царь просил молитв и благословения у Митрополита; из похода несколько раз списывался с ним; удачу похода приписывал его молитвам. На время удаления из столицы царь оставлял Государство и семью на попечение Макария: «ты, отец мой, позаботься, сколько Бог тебе даст, во всем соблюсти мое царство, а брата нашего и бояр, здесь остающихся, во всем наставляй; равно береги духовно и жену мою, царицу Анастасию», говорил царь святителю Макарию, отправляясь под Казань²⁶. Эти замечательные по выразительности и определенности слова Иоанна IV, обращенные к Митрополиту Макарию, показывают—каковы были нормальные отношения между государственной и церковной властью во весь митрополичий период жизни русской церкви.

Таким образом за митрополичий период отношение светской власти к церковной было в общем благоприятное, особенно в первое время христианства на Руси. Были периоды, когда положение церковной власти было довольно тяжело, особенно в конце XV и первой половине XVI в.в., но благодаря самоотверженной энергии большинство представителей церкви авторитет церковной власти оставался и в такие периоды высоким.

Глава вторая. Отношения между светской и церковной властью от начала патриаршества на Руси до издания соборного уложения Алексея Михайловича.

а) 1. Причины учреждения патриаршества. Взгляд первого русского патриарха на отношения между светской и церковной властью. Характер отношения властей по фактам смутного времени и при патриархе Филарете Никитиче. Падение общественно-государственного значения церковной власти при патриархе Иоасафе I-м и Иосифе.

Учреждение патриаршества было завершением роста церковной власти. Высокому значению предстоятеля русской церкви как в церковной, так и общественно-государственной жизни теперь соответствует положение его не только среди русских архипастырей, но и всей вселенской церкви. Он брат и сослужитель восточных патриархов, равный им «чином и достоинством» (из грам. на учр. патриаршества).

Какие были причины учреждения патриаршества?

Одни из историков дело учреждения патриаршества приписывают исключительно честолюбивым замыслам Бориса Годунова. Взгляд этот высказан Щербатовым в Российской истории т. II, стр. 214, повторен историографом Карамзиным в Истор. Госуд. Рос. т. X, стр. 68, поддерживается Костомаровым в Русской Истории в жизнеописаниях её деятелей, вып. 3, стр. 580.

М. Платон приписывает учреждение патриаршества предложению Константинопольского патриарха Иеремии, из желания его угодить набожному государю (в церковной истории т. II, стр. 92–93, 99–100).

Преосвященный Иннокентий в «Начертании церковной истории от библейских времен до XVIII изд. 5. 431–432, Филарет в истории Русской церкви пер. 4-й изд. 4, стр. 5–6 причину учреждения патриаршества видят в благочестной настроенности царя Феодора Ивановича.

Эти взгляды подвергнуты справедливой критике проф. протоиереем П. Ф. Николаевским и названы обстоятельными, неполными, неублажающими всего хода учреждения патриаршества в России.

По мнению прот. Николаевского главное побуждение к сему возникло и развилось на почве непосредственных отношений светской и церковной власти между собой и заключалось «в желании правительства возвышением сана русского первосвященителя «украсить и возвысить русское царство в глазах всего православного мира и придать ему значение древнего греко-римского христианского царства» (133). В подтверждение

своей мысли автор между прочим подчеркивает сомнительное показание некоторых свидетельств, что переговоры об учреждении патриаршества начались и все время велись без ведома духовной власти и игнорируют противоположное показание других свидетельств, напр.: Арсения, Архиепископа Елассонского, утверждающих, что с самого начала возникновения переговоров об учреждении патриаршества в них деятельное участие принимало духовенство, особенно высшая иерархия²⁷.

По нашему мнению, несколько взаимодействующих причин вызвали учреждение патриаршества на Руси. Церковь Русская желала санкционировать фактическое высокое положение Московского Митрополита в русской и вообще восточно-православной церкви, государство, же учреждением патриаршества надеялось возвысить Москву не только среди русских городов, но и всего Востока и таким путем сделать Москву центром православия, а царя Московского покровителем его.

23 января 1589 года поставлен был первый русский патриарх к общему удовольствию церковной и светской власти. На великой радости царь Феодор Иванович одарил богатыми подарками вселенского патриарха Иеремию, поставившего первого русского патриарха Иова, устроил по этому случаю торжественнейшие празднества; Русскому патриарху были оказаны со стороны царя и его правительства такие почести, какие могут быть объяснены только высотой нравственного авторитета церковной власти на Руси.

Святейший патриарх Иов вступил на первосвятительский престол с возвышенным представлением о церковной власти. Свои воззрения на церковную власть и на отношения церковной и государственной властей он особенно подробно и ясно выразил в послании к Митрополиту Николе и всему священному собору Иверские земли Грузинского царствия²⁸.

В указанном послании святейший Иов утверждает мысль, что священство и царство—"два великая начала от Бога установлена суть в мире²⁹. Обе власти благодатию Божиею призваны устроить и украшать человеческую жизнь»³⁰. Здесь патриарх Иов проводит вселенский принцип, что наилучший вид отношений между церковною и государственною властью тот, когда они единством веры и духа входят между собою в общепользительный святой союз. Взгляд патриарха Иова на царскую власть самый возвышенный, каковым он сложился на Руси исторически; указывая, что она произошла от Бога, Иов требует от всех граждан благоговейного, беспрекословного послушания ей. Таково же должно быть послушание и архиерейской власти, то же от Бога

установленной. Повиновение той и другой власти сообразно характеру их должно быть различное. «Архиерею убо вся церкви и церковная и освященная возложена, и духовная. Царю повиновение телесно токмо и уроком дани и человеческих вещей промышлению миру возложенных и прочая подобящая»³¹. В этих словах святейший Иов устанавливает твердое разграничение областей ведения церковной и государственной власти.

Потом он точнее указывает предметы ведения церковной власти, Прежде всего ей принадлежит высшая власть на земле: «вязати и решити» и это «от Бога убо установлено есть и утверждено», Специально же под ведением церковной власти должны быть «церкви и пресвитеры и прочая причетники и люди за ними живущии, и вся освященная и вся возложенная Богови, и монастыри и молитвенные храмы и пищепитательницы»³². По отношению ко всем сим лицам и предметам церковной власти принадлежит «всяческое попечение о них и суд и разсуждение и устроение и уничижение и наказание. Епископы должны твердо отстаивать принадлежащая им по церковным канонам указанные права, как они клялись при своем наставлении, и безбоязненно защищать их «и пред цари не стыдиться». В противном случае им угрожает страшный суд Христов, представляя который святейший Иов восклицает: «О горе и люте! каков суд тем"...³³. Особенно п. Иов ратует за независимость церкви в избрании служителей ея: епископов и прочего священства. На основании того положения, что святые апостолы, наученные от Бога, не царям и князьям поручили все церковное правление, а епископам, Патриарх Иов воспрещает получать сан священный (т. е. избрание) «от мирских». Кто же получил «священничество» от поспешества мирских князей и людей должен быть возбранен и запрещен. Это свое положение он далее подтверждает правилами 39 Ап., VII в. с. 3³⁴. С такою же силою он ратует за самостоятельность церковного суда и за неприкосновенность церковных имуществ.

Известно, что в митрополичий период были попытка ограничить судебные и владельческие права церкви, были случаи вмешательства князей и царей в избрании иерархов церкви. Все это продолжалось и при патриархе Иове. Патриарх угрожает таковым обидчикам церкви страшным наказанием «в нынешнем веце и будущем», и приводит на память примеры такого страшного наказания, как то наказание Даѳана, Авирона, Корея, царя Озии и из христианского периода: Августа, Тиверия, Кая, Клавдия Констанция, Галла и др.³⁵.

Когда же все священное будет искренне почитаемо от князей, тогда «вся благая устроения от Бога бывают подаема, мир и умножение плодом

и врагом одоление»³⁶.

Для блага государства, для того, чтобы царствовал мир и спокойствие необходимо взаимное уважение и. единодушие церковной и государственной властей, особенно необходимо радостное послушание святителям.

Иов сознавал всю пользу для государства нравственного авторитета святителей и потому твердо заявлял: «яко ничто же; тако поспешение бывает царству, яко же святительское величество и честь»³⁷. С таковыми воззрениями патриаршество выступило на историческое поприще русской жизни.

Возвышение на превысочайшую степень священства московского митрополита еще более усилило нравственный авторитет его, как в глазах духовенства, так и общества и сделало более твердой почву для его нравственно-общественной деятельности во всех сферах жизни Русского государства. Промысл Божий в патриархах воздвиг для России надежду и опору в наступающее тяжелое смутное время. Жизнь и деятельность первых русских патриархов Иова и Гермогена совпадает со смутным временем на Руси.

В смутный период, кажется, яснее всего обнаружилось то положение, которое «изначала» занимала на Руси церковная власть по отношению к государственной власти и к государственно-общественной жизни. С этой именно стороны необходимо нам коснуться многих фактов смутного периода.

Умер Феодор Иванович († 1598) и не оставил по себе преемника на царство. Установившийся порядок престолонаследия, так благодетельный для России, грозил поколебаться. Для русского народа, еще неокрепшего в политической жизни, предстояла многотрудная задача—выбор нового царя, который мог бы быть так же тверд на престоле, как и его предшественник, при том выбор, с которым бы согласилась вся Русская земля. Весьма деятельное участие принял в этом первой степени важном государственном деле святейший патриарх Иов; он, по свидетельству истории, не один раз во главе народа русского с крестным ходом отправлялся в монастырь, где в это время поселился Борис Годунов (царствовал 1598–1605) и слезно умолял его взойти на престол великого царства Русского.

Впоследствии, когда появился злополучный самозванец, когда некоторые города изменнически переходили на его сторону, когда правда и законность колебались от клятвопреступлений изолгавшихся бояр, тогда святитель патриарх Иов, как столп непоколебимый, выступил на защиту

правды и законности в своих речах и посланиях.

В одной из грамот, описав происхождение самозванца, и известив об измене литовских и северских городов, святитель писал от 14 января 1605 г.: «великий государь царь и великий князь, прося у Бога помощи и у пречистыя Богородицы и у великих чудотворцев и у всех святых, велели против литовских людей, с Божиею помощью, за святыя Божия церкви и за честные иконы, и за нашу святую благочестивую крестьянскую веру, и за свое царское самодержавство Богом порученное ему российского царства, стояти храбрьски и мужьски». Далее, поручая распространение между духовенством и народом своей грамоты игумену Сольвычегодского монастыря, патриарх Иов пишет: «а впредь кто начнет на то прельщаться и ему верить, а государю похочет изменить, соборне и всенародне прокляли и впредь проклинать велели, да будут они вси прокляти в сем веце и в будущем»³⁸. В этой грамоте святейшего патриарха характерно то, что дело государственное—защита царя и отечества отождествляется с защитой дела религиозного—православия; самая защита поручается главным образом Богу и его святым угодникам. В приведенной грамоте политические интересы подчинены религиозным. Писавший, видимо, ясно понимал всю силу религиозных мотивов для сознания русского человека и вот на это то сознание он и хотел подействовать. Личность царя здесь совершенно ступшевывается, а выступает дело правое, законное. Ясно, что здесь церковная власть выступает, как высший блюститель законности и в государственных делах; с другой стороны, из этой же грамоты обнаруживается и то глубокое уважение, которое питала церковная власть к государственной, как это заповедано учением Господа и его апостолов, правилами вселенских и поместных соборов, и это уважение она старалась внушить и обществу.

После скоропостижной смерти Бориса Годунова еще более трудно было сдержать мятежников. Среди общего народного отчаяния и тяжкого беспокойства осиротевшего семейства Борисова неусыпно бодрствовал деятельный патриарх, и только благодаря ему столица присягнула сыну царя Бориса, Феодору (1605). Впоследствии, когда мятежники проникли в самую Москву и здесь производили смуты, когда юный царь Феодор с матерью и сестрою трепетали за свою жизнь, в эти роковые минуты государственной жизни патриарх Иов, верный своему долгу и присяге, именем Бога закликает бояр спасти православие, коему грозит явная опасность с воцарением самозванца, со слезами умоляет воевод спасти жизнь и честь законного русского царя, которому присягнули они на верность и повиновение; когда ничто уже не могло образумить

мятежников, ревностный патриарх удалился в соборную церковь; там он стал обличать возмутившихся против законного царя безумных преступников; патриаршее обличение раздражило бунтовщиков; они увлекли твердого духом патриарха из церкви, надели на него рясу простого монаха, позорно таскали его по площади, и, наконец, посадив в телегу, отвезли его в Старицкий Богородицкий монастырь.

При царе Василии Ивановиче Шуйском появился второй самозванец и вновь начались смуты, которые, кажется, были пагубнее даже первых. На патриаршестве тогда был Гермоген (1606–1612), ревностный до самоотречения блюститель законности; он не боялся говорить правды сильным земли, ибо не дорожил своею жизнью; за целость же православия святейший патриарх всегда готов был пострадать; когда кругом его все лгали, малодушествовали, он один был тверд и не колебался. Чтобы укрепить в сознании народа пагубность смут, греховность измены, благодетельность законности Василий Иванович вместе с патриархом устроили знаменитое всенародное покаяние, на которое для блага церкви и отечества согласился прибыть уже слепец и совершенно больной бывший патриарх Иов. Гости торговые и черные люди начали у патриарха Иова просить прощенья с великим плачем: «О пастырь предобрый! прости нас словесных овец твоего стада: ты всегда хотел, чтобы мы паслись на законосных полях твоеголюбодумрия и напаялись от сладкого источника книгородных божественных догматов, ты крепко берег нас от похищения лукавым змеем и пагубным волком; но мы окаянные отбежали от тебя, предивного пастуха и заблудились в дебре греховной и сами себя дали в снесь злому тому зверю, всегда готовому губить наши души. Восхити нас, богоданный решитель, от нерешимых уз по данной тебе благодати»³⁹. В таком же духе подана была ему и челобигная. Велики грехи наши, говорил св. старец, пред Богом в сии времена последняя, когда вымыслы нелепые, когда сволочь мерзостная, тати, разбойники, беглые холопы могут возмущать отечество За прежняя ваши преступления мы, по данной нам благодати, всех православных, живущих не только в Москве, но и в других городах, прощаем и разрешаем в сей век и в будущий»⁴⁰. Факт всенародного покаяния замечателен для нас в том отношении, что весь народ раскаивается в своих государственных преступлениях пред церковною властью и что само государственное правительство эту меру считает самой действенной для внушения народу чувства законности. Это свидетельствует о высоком нравственно-общественном авторитете церковной власти.

Когда 2-й самозванец приступил уже к Москве, когда царь Василий

Иванович, видя кругом измену, пришел в уныние, доблестный патриарх Гермоген положил все усилия, чтобы поднять упавший дух царя и чтобы воздвигнуть его против неприятеля. Он именем Божиим, заступницы Богородицы и московских Чудотворцев заклинал его выступить на защиту отечества и на «раззорение злодейства»; указывал, что в этом его прямая обязанность, как царя; сам благословлял его и обещал содействие благодати. «Та благодать Божия и тебе спасет и избавит, якоже в первые дни спасе праведных своих: Еноха, Ноя, Моисея от Фараона, и Давида от Саула»⁴¹. Когда мятежники хотели свести с престола Василия Ивановича и требовали на то согласия патриарха, он, по выражению летописи, крепкий адамант, не только не дал на то согласия, но и «заклинал мятежников» и в таком же духе написал во все города России. Когда царя Василия Ивановича насильно постригли в монахи, св. патриарх не признал действительным такое пострижение и даже предал проклятию князя Тюфякина, говорившего обеты при пострижении⁴². По низвержении Шуйского с престола правление государством перешло в руки боярской думы или земского собора. На верность и повиновение ей, впредь до выбора царя на московский престол, присягнули города. В этот небольшой промежуток времени, известный под именем периода междоцарствия (1610–1613), патриарх Гермоген является вполне главою не только русской церкви, но и русского царства, оставшегося без верховной главы политической. На добродетельного и сильного пастыря обратились взоры всех благомыслящих русских людей ища в нем опоры и утешения в бедственном положении отечества. В свою очередь поляки и русские изменники не спускали своих глаз с этого опасного для их замыслов двигателя русских сердец. Патриарх был во главе совещания об избрании царя. Он же дает наставление депутации, посланной к королю польскому просить его сына, Владислава, на Московский престол. «И наказав их патриарх от Божественных писаний иж за веру стояти крепко и непоколебимо, дажд до смерти не щадети живота твоего»⁴³.

В Москве правителем государства остался святейший патриарх. И вот тут то обнаружилось все величие духа святейшего патриарха, вся сила авторитета церковной власти. Своим крепким, даже мученическим, стоянием за православие и отечество он делал безсильной злобу врагов; мучения, испытанные им и от русских и от поляков, вторгнувшихся в Москву, не ослабили его энергии, а только распространили славу о нем по всем городам. Эта слава вместе с грамотами патриарха к городам сделали то, что из городов русских за малым исключением составилось братство о Христе.

Во главе его стоял святитель Гермоген, непоколебимый адамант, новый исповедник⁴⁴, как называли его города в своих грамотах. К нему то теперь старались примкнуть все стоявшие за ненарушимость православной веры. Патриарх не согласился подписаться под грамотой, в которой по настоянию Салтыкова написано, что Русь полагается на волю самого короля польского и готова ему крест целовать⁴⁵. Так без подписи патриарха и была отослана грамота к Сигизмунду; когда поляки потребовали от депутации крестоцелования по этой грамоте, то от лица депутации митрополит Филарет говорил: «Отправлены мы от патриарха, от всего священного собора, от бояр, от чинов и от всей земли, а патриаршей подписи на грамоте нет. И пишется в них о деле духовном, о крестном целовании смольнян королю и королевичу, тем больше без патриарха нам ничего сделать нельзя». Князь Голицын отвечал то же. Тогда даны польские возражили, что патриарх—особа духовная и в земские дела не вмешивается. Послы отвечали: «Изначала у нас в русском царстве при прежних великих государя так велось: если великие государственные или земские дела начнутся, то великие государи наши призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиепископов и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали и почитают государи наши патриархов великою честью, встречают их и провожают и место им сделано с государями рядом; теперь мы стали безгосударны, и патриарх у нас человек начальный; без патриарха теперь о таком великом деле советовать не пригоже. Когда мы на Москве были, то без патриархова ведома никакого дела бояре не дельвали, обо всем с ним советовались, и отпускал нас патриарх вместе с боярами. Как патриарховы грамоты без боярских, так и боярские без патриарховых не годятся, надобно теперь делать по общему совету всех людей»⁴⁶.

Эти слова послов замечательны в 1) как выражение понятия самого государственного правительства об отношениях между церковной властью и гражданской; а во 2) по своей так сказать, рельефной точности. Из слов видно, что «изначала» во всех великих государственных и земских делах церковная власть принимала самое деятельное участие и в этих делах она занимала первое место после царя и что совершенно естественно и согласно истории русской жизни, что в «безгосударственное время» церковная власть и в делах гражданских является «начальной». Тоже, как мы отметили выше, было и в митрополичий период, особенно при митрополитах Алексии и Макарии.

Доблестное стояние за веру и отечество святейший патриарх Гермоген кончил мученической смертью 1612 г. февраля 17 дня».

С кончиною Гермогена наступил для нашей церкви период междупатриаршества, продолжавшийся более семи лет. О выборе нового патриарха, разумеется, в виду смутного времени, нечего было и думать. Временное управление церковными делами должно было перейти к митрополиту Крутицкому, так как Крутицкие владыки, постоянно жившие в Москве, считались издавна помощниками Московского первосвященника, но на Крутицах в то время архипастыря не было; пришлось во главе церковного управления стать Казанскому митрополиту Ефрему. При митрополите Ефреме произошло умиротворение русской земли; при нем избран был на царство Михаил Феодорович Романов. Митрополит Ефрем подписал «уложенную грамоту» об избрании нового царя и потом венчал его на царство. Весьма деятельное участие-принимала церковная власть в избрании нового царя⁴⁷. Для избрания царя особыми грамотами бояре и воеводы приглашали в Москву на земский собор выборных от духовенства, дворян, детей боярских и пр. 21 февраля 1613 г., в неделю православия, было последнее заседание собора. Единогласно по письменному заявлению избран был Михаил Феодорович Романов, сын известного в то время митрополита Филарета. Рязанский архиепископ Феодорит, Троицкий келарь Авраамий Палицын, Новоспасский архимандрит Иосиф и боярин Морозов пошли на лобное место и спросили у народа, наполнявшего красную площадь, кого они хотят в цари? Народ единодушно воскликнул: «Михаила Феодоровича Романова», Тогда Авраамий Палицын сказал: «Сие бысть по смотрению Всевышнего Бога. К смутному периоду относится одно замечательное для нас письмо князя Пожарского к митрополиту Казанскому Ефрему. Он писал от лица всех чинов русской земли: «Вседержитель угасил два великие светила: отнял от нас царя и патриарха, по городам также наши учителя многие—митрополиты, архиепископы и епископы погасоша... и одно нам утешение в тебе, великом господине... ныне не мала скорбь нам, что под Москвой вся земля в собранье, а пастыря и учителя у нас нет. Едина соборная церковь осталась в Крутицах, и та вдовствуеть.... Молим всей землей совершить Исаию в митрополита на Крутицы и отпустить вскоре»⁴⁸. Вот как тогда скорбели об угасшем великом светиле—патриархе и желали получить пока хоть обычного заместителя патриарха—митрополита Крутицкого, потому что в такое смутное время нечего было думать о выборе патриарха. Сознавало необходимость единой главы и все российское духовенство, когда важнейшие церковные вопросы не решало даже собором, потому что детям духовным патриарха—митрополитам, архиепископам, и епископам, кроме его святительского повеления, совершенного ответу учинить на то

невозможно, понеже он есть всем пастырь и глава»⁴⁹. Желание общества и духовенства исполнилось в 1619 г. 24 июня; тогда Русь обрела единого главу–верховнейшего пастыря церкви, в лице Филарета Никитича, бывшего митрополита Ростовского.

Влияние новоизбранного патриарха на государственную жизнь было чрезвычайно велико и оно основывалось уже не только на древнем принципе–нравственном авторитете церковной власти, но и на других особых обстоятельствах; прежде всего он был отцем новоизбранного царя Михаила, потом царь был молод и в государственных делах не сведущ, тогда как патриарх Филарет, благодаря прежней своей придворной жизни, прекрасно знал государственное управление; такого надежного руководителя царя желала вся русская земля. Об избрании патриарха Филарета Никитича так повествуется; «приходили к государю власти–бояре и всем народом Московским били челом государю, чтобы он уприсил Филарета быть патриархом, а освященный собор иерархов заявил царю, что опричь Филарета Никитича патриархом быть некому»⁵⁰. А в следующих словах особенно глубоко выражается исторически–сложившееся представление о значении патриарха: «да будет он царствию помощатель и строитель и сирым заступник и обидимым предстатель»⁵¹.

В одном из своих писем Михаил Феодорович, называя патриарха Филарета Великим Государем, отцем отцев, крепким столпом, так изображает свое отношение к нему: «сын твоего изрядно–сиятельного отечества Михаил, Божиею милостью Царь и великий Князь, всея Руси Самодержец, главу свою усердне до земли преклоняет, касаяся твоим светительским честным стонам и со слезами у Вас Великого Государя моего отца прося, еже за святительских ваших молитв и благословения»⁵².

Весьма трудная задача предстояла государственной власти после смутного времени, именно, умиротворить русскую землю, укрепить порядок и законность, сильно расшатанные в смутную эпоху. Молодой царь, окруженный своевольными боярами, далеко не мог бы осуществить возложенной на него задачи, если бы не помог ему в этом отец, святейший патриарх Филарет Никитич⁵³. Вот как летопись выражается о заслугах святейшего патриарха: «Поставлен бысть на Московскую патриархию.... по приходе своем из Литвы.... И оттогда начася быти во всех людях велия тишина и не бе слышати обидящего и обидимого; но вся вкупе царь и патриарх управляху безмятежно»⁵⁴.

И, действительно, патриарх являлся в это время равным царю правителем земли русской, никакого государева и земского дела не делалось без его совета: ни одной грамоты не выходило без его подписи,

иностранные послы представлялись государю и патриарху вместе; если же почему либо нельзя было присутствовать при назначенном приеме послов патриарху, то послы обязаны были представиться к патриарху в другое время и с одинаковыми царскими церемониями. Такому высокому значению Филарета Никитича в делах государственных соответствовал и новый титул патриарха: «Великий Государь»⁵⁵.

При следующем патриархе,—благочестивом, смиренном старце Иосафе, власть и значение патриарха, по выражению митрополита Макария «осязательно принизилась»⁵⁶. Это понижение церковной власти, её значения и влияния, шло так же быстро как при патриархе Филарете Никитиче возвышение,—произошла, так сказать, реакция. Уже в титуле патриарха Иосафа не было прибавления «великий Государь»; в бумагах, имеющих государственное значение, почти никогда не ставилось имени патриарха; даже в чисто церковных делах иногда указы исходили только от имени государя⁵⁷.

Несмотря на осязательное принижение церковной власти патриарх и теперь по прежнему приглашался в боярскую думу для советывания о государственных делах.

Здесь уместно привести ответ патриарха Иосафа с освященным собором на вопрос царя—объявить ли войну Крымскому хану, учинившему многия неправды? «И я, богомолец твой, письменно отвечал п. Иосаф царю Михаилу Феодоровичу, со всем освященным собором даем мысль свою. Наш долг молить и просить Бога и пречистую Богородицу и великих святителей московских и всея России Петра, Алексея и Иону, о мире всего мира и о благостоянии св. Божиих церквей и о твоём многолетнем здравии и всего твоего семейства: потому что ты *от высшей Божией десницы поставлен* самодержцем всея России. А тебе, государь, принявшему от Вышнего управление православным родом человеческим, подобает пещися не о себе только, но соблюдать и спасать от треволнения и всех, находящихся под твоею властью, все вверенное тебе стадо Божие.... Нам богомольцам твоим прилично напоминать тебе, как царю и владыке, по твоему остроумию и Богом данной тебе мудрости. А ты, Боговенчаный царь, поревнуй, как ревновал прежде, равноапостольному царю Константину и благоверному великому князю Владимиру.... Ты глава всем, покажи ревность и благочестие, чтобы тебе как можно освободить своих посланников из бесерменских рук и от злого мучения и позоров. Твоя царская казна от того не оскудеет: когда Бог своею милостию освободит твоих посланников от такого злого мучения, тогда можно будет отказать крымцам, за их многую неправду, в той казне, какая посылалась в

Крым, по старине, для дружбы и любви. В украинских же городах пристойно тебе, государь, устроить ратных людей, конных и пеших, по твоему государеву усмотрению, как тебе Бог известит. А о том, что учинить крымцам за мучение твоих людей, нам, твоим богомольцам, непристойно написать такого совета, чтобы учинить воздаяние. Разсудить об отмщении врагам и что учинить имь–дело, государь, твое и твоих бояр и ближних людей и всего твоего царского синклита, а не нас, твоих государевых богомольцев»⁵⁸. В приведенном ответе церковная власть приписывает себе прежде всего религиозно-нравственные обязанности: «наш долг молить... о мире всего мира, о благостоянии св. Божиих церквей и о царевом многолетнем здравии», считает долгом напоминать царской власти о ревности: по благочестии, напоминает, что благочестие обязывает царей заботиться о благе своих подданных, а благо в данном случае следующее: выкуп посланников и защита пограничных пределов, что и советует церковная власть немедленно сделать. В этом ответе подчеркивается древний принцип нравственного авторитета церковной власти, открывший ей широкое поприще для деятельности в особой области государственной жизни, имеющей отношение к религии и нравственности и п. Иосаф, хотя и слаб был, но от этого своего авторитета не отказывается и не может отказаться.

В этом же ответе изложено исторически сложившееся понятие о царской власти: Царь от высшей Божией десницы поставляется, он принимает заправление православным родом человеческим от Вышнего, царь Богом венчается, он глава всем.

Значение патриаршей власти еще более пало при преемнике п. Иосафа, Иосифе. Он по слабости своего характера не мог поддержать то влияние церковной власти на общественно-государственную жизнь, какое создано было историей. Хотя он, по древнему обычаю, вместе с освященным собором призывался в боярскую думу для обсуждения некоторых государственных дел, но здесь не играл деятельной роли. На соборах, когда требовалось мнение духовенства, оно обыкновенно отвечало чрез своего патриарха, что оно должно молиться «о мире всего мира и о государском здравии», дела же политические следует ведать государю и его боярам. При всех почти случаях давался такой ответ, не изменяясь даже в форме.

Не имея силы и влияния в делах государственных, патриарх не мог сохранить прежней, исторической самостоятельности церковной власти даже в церковных делах. Вопреки воли патриарха было поступлено при введении единогласия в церквах. Он подписал Уложение Алексея

Михаиловича, сильно ограничивающее права и привилегии церковной власти. Инициатива церковных дел переходила от представителя церкви к представителю государства и его правительству; даже в таких делах, как установление некоторых новых праздников, распоряжение о соблюдении постов, забота о мерах к водворению нравственности в народе и т. п. почин нередко исходил от царя, а не от патриарха, прямому ведению которого по канонам и издревле все сие подлежало⁵⁹.

Молодой государь Алексей Михаилович был человек церковный, мягкого, уступчивого характера; он питал глубокое уважение к патриарху, как предстоятелю церкви, и потому только по слабохарактерности своей патриарх Иосиф не умел пользоваться расположением государя для защиты прав и привилегий церкви и церковной власти от посягательства государственного правительства; при п. Иосифе права Русской церкви подвергались значительным сокращениям—особенно в судебной области. Сокращение это произведено Уложением, под которым значится подпись и патриарха Иосифа. «Во все время составления Уложения патриарх безучастно сидел в царской думе, как будто не понимал всей его важности»⁶⁰. Нужен был сильный ум и волей представитель церковной власти, который мог бы безбоязненно выступить на защиту прежнего исторически-сложившегося положения ея. Таковым и был преемник Иосифа святейший патриарх Никон, один из величайших иерархов русской церкви.

б) 2. Судебные и владельческие права церковной власти в до-уложенный период. Выделение патриарха из ряда иерархов по указанным правам.

Параллельно ослаблению значения церковной власти в делах государственной жизни шло сокращение прав ея–судебных и имущественных; значение же государственной власти в делах церкви возрастало. При первых двух патриархах, управлявших русской церковью в смутное время, никаких перемен в судебной и имущественной области прав церковной власти не произошло. От того времени сохранилось несколько грамот, в которых подтверждаются прежние права церкви⁶¹. Но если юридически сохранялось прежнее значение церковной власти в суде и управлении владениями то фактически за смутный период произошло множество злоупотреблений со стороны сильных людей относительно прав церковной власти. Возстановление прежних прав церкви–вот задача служения патриарха Филарета Никитича. Прежде всего он обратил внимание «а запустение церквей и монастырей и выпросил у своего сына и государя подтверждения прежних владельческих прав их, «дабы от разорения и запустения церкви не вдовствовали, не стояли без пеня, имя Божие продолжало бы в них славиться⁶². В виду всеобщего разорения для возстановления монастырей и церквей требовалось не только одно подтверждение прежних владельческих прав, но и дарование новых привилегий; только в таком случае возможно возстановление в благолепном виде «церковного строения; о помощи били челом многие монастыри⁶³ и по возможности получали просимое. Помощь была разнообразна: жаловались земли, леса, рыбные ловли, выморочные имения, речные пошлыны, беспошлинная покупка, а иногда и продажа, в некоторых же случаях прямо деньги; многие монастыри освобождались от всех общественных и государственных повинностей. Указанные привилегии и льготы церкви давались или на определенное время, или на вечно, или на неопределенное время–до последующего царского указа⁶⁴.

Таким образом и в патриарший период подтверждены владельческие права церкви и при том указано, что владение может быть вечным. Постановление собора 1580 г. как бы совершенно было забыто. Особенные права и привилегии получила обширная патриаршая епархия. 20 мая 1625 года на имя патриарха Филарета Никитича дана была жалованная грамота; по этой грамоте святейший патриарх ведал почти без всяких ограничений

обширнейшею областью своей епархии.

В жалованной грамоте перечисляются более сорока городов с их пригородами (по нынешнему входящих в состав 16 губерний), в которых не только все монастыри и церкви: соборные, ружные и приходские, все монашествующие в монастырях мужских и женских, с их слугами и службинами, все духовенство и причт церковный; но и все монастырские и церковные вотчинные крестьяне, и всякие монастырские и церковные люди были подчинены патриарху Филарету Никитичу во всяких управных и в духовных делах судом и управою, кроме разбойных и татиных и кровавых дель....; в жалованной грамоте сказано: «велели ведать и расправу меж ими чинит и пошлины имать, по Уложению, отцу нашему, Великому Государю, святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея Руси»⁶⁵. Михаил Феодорович этой грамотой разом уничтожил все несудимья грамоты патриаршей области и таким образом как бы поступился своими собственными правами над многими монастырями патриаршей епархии; в заключении рассмотрения этой грамоты митрополит Макарий пишет: «Можно сказать, что царь Михаил Феодорович пожаловал своему отцу такие права в его епархии, каких не жаловал никому из других епархиальных архиереев; что патриарх Филарет в своей церковной области был полным владыкой и господином и пользовался архипастырскою властью в такой степени, далее которой власть эта никогда в России, ни прежде, ни после, не простиралась»⁶⁶. С этого времени патриаршая епархия выделяется из ряда других по своему строю, и патриархъ—из епископов по своим правам. Чтобы придать большую стройность, отдельность и правильность патриаршему управлению, Филарет Никитич учреждает по образцу государственного управления приказы.

Важнейший из приказовъ—это Патриарший Разряд или Судный Приказ⁶⁷. Патриарший Разряд судил все белое и черное духовенство, во всех делах: «архимандритов и игуменов и иноки, протопопов, священников и диаконов, и церковных причетников и их детей, игуменьи и инокинь и весь церковный и монашеский чин во всяких делах судят (в п. разряде), а указ чинят святейшие патриархи по святым правилам.

В патриарший разряд обращались для суда и мирские люди по тем делам, которые предоставлялись ведению церкви уставали еще первых русских князей. Сюда относились: 1) Суд и указ на людей всякого чина по духовным и по рядным записям; 2) Челобитья от жены, детей и родственников умершего о разделе оставшихся после него животов; 3) об отношении родителей к детям: жалобы родителей на непослушных детей,

на таких, которые обвенчаются без воли своих родителей; 4) дела по нарушению с какой либо стороны обетов брачной верности; 5) о насилии женам и детям; 6) об оскорблении нравственности словом или действием; 7) о незаконорожденных детях; 8) об усыновлении, побратимстве и получении наследства усыновленным; 9) о душеприказчиках, которые после умершего берут за себя его жену; 10) о рабах, которые обвиняют своих господ в развороте и насилиях; 11) о рабах, которые, убежав от господ своих, постригутся, или наденут на себя монашеское платье и будут находиться на послушании; 12) о рабах, которые, убежав от господ, женятся, и рабынях, которые, убежав, выходят за муж, или живут незаконно; 13) по обвинению духовными отцами их духовных детей; 14) по челобитным священников на прихожан, что те не ходят в праздники и посты в церковь, не соблюдают постов и не имеют у себя духовных отцев; 15) о делах брачных; 16) все дела о духовных завещаниях⁶⁸. В составе служащих в патриаршем разряде лиц мы не видим ни одного духовного лица—там заседают «мирские»: боярин от государя, боярин от патриарха и др. Роль царского боярина была самая видная; он был, можно думать, первым лицом приказа; на его имя писались все бумаги.

Финансовое управление патриаршею епархиею было сосредоточено в казенном приказе. Сюда поступали все сборы с духовенства, прихожан, патриарших земель и монастырей. Раскладкой повинностей и сборами заведывали десятильники из лиц светских. Высший надзор за делопроизводством во всех этих приказах принадлежал патриарху. Патриарх Филарет оградив владения патриархии от вмешательства Государевых слуг, не позаботился к сожалению о владениях епископов. Царь Михаил Феодорович во множестве раздавал так наз. несудимыя грамоты, чрез которыя епископы стали терпеть стеснения в своих исконных правах в области суда. Правда, юрисдикция церковной власти простиралась на все дела кроме воровства, душегубства и разбоя, духовных лиц, равно как архиерейских слуг и крестьян, но несудимыя грамоты значительно сокращали область этого суда⁶⁹.

Церкви и монастыри, получившия несудимыя грамоты, подлежали в суде ведению приказа Большого Дворца, (в котором для заведывания церковным судом уже около 1611 г. образовалось особое отделение, под именем монастырского приказа). Приказу Большого Дворца в данном случае подлежали монастыри и духовные лица, не только в суде, но и в финансах; ему же они отдавали отчет в казне. Государь чрез приказ Большого Дворца простирал свою власть на все управление монастырей, назначая настоятелей и настоятельница, посылая указы против беспорядков

монастырской жизни, а также указы, касавшиеся нравственной жизни монахов⁷⁰.

Несудимья грамоты давали повод настоятелям некоторых богатых привилегированных монастырей не слушать указов своих епархиальных владык⁷¹; дошло до того, что бояре получая от государя жалованные грамоты, иногда запрещали причтам своих вотчинных церквей судиться у епископа и платить ему дань⁷². Благодаря несудимым грамотам некоторые архиерейские кафедры настолько обеднели что не на что было содержать соборный храм и архиерейский дом; поэтому подавалось много челобитных об отмене несудимых грамот; таковы челобитные новгородского митрополита Макария 1622 г., рязанского архиепископа Антония 1623 г., коломенского епископа Рафаила. Челобитные были удовлетворяемы, но вскоре государственная власть в те же епархии давала вновь несудимья грамоты⁷³.

Глава третья. Перемена в отношениях между светскою и церковною властью с изданием Уложения.

а) 1. Общее направление в церковных вопросах соборного Уложения. Судебные и владельческие права церковной власти по Уложению.

Стремление государственного правительства ограничить права церковной власти, как показывает история, продолжается и в патриаршем периоде. С успокоением России после смутного времени государственное правительство начинает собирать силы государства, разъединенные прежде частно-правовым характером управления. При таком направлении не могло оно благоприятно смотреть на старинные права и привилегии церкви, ставящая ее вне зависимости от государства; это не было согласно с новым направлением, по которому должно быть все государево, и вот начинается ряд мер, ограничивающих судебные и владельческие права церковной власти; параллельно этому шло также ограничение общественно-политического значения ее. Последнее слово этих мер – Уложение.

Целью издания Уложения является «чтобы Московского государства всяких чинов людем от большего и до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем равна». Судя по этим словам предисловия можно предположить, что Уложение только законодательный кодекс государственного характера; но ближе рассматривая Уложение легко заметить, что не только чинов государства касалось оно, но и чинов церкви. Объединение же чинов государства и чинов церкви под общим именем чинов Московского государства ясно показывает, что с завершением собирания Русских княжеств под скипетром Московского самодержавия на первом плане уже ставится государство; ему должны давать ответ и церковные чины и от него получать суд и расправу.

Более всего интересы церковной власти пострадали от учреждения монастырского приказа, или вернее, от выделения его из приказа Большого Дворца в самостоятельное учреждение с обширным кругом подведомственных ему судебных дел над духовенством и церковными людьми. Монастырскому приказу посвящена 13 глава Уложения. Указав быть монастырскому приказу «особно», царь делает его судебным учреждением для всех лиц духовного звания и ведомства: «на Митрополитов и на Архиепископов и на Епископов и на их приказных и дворовых людей и на детей боярских, и на крестьян, и на монастыри, на архимандритов и игуменов, и на строителей, и на келарей, и на казначеев

и на рядовую братию, и на монастырских слуг, и на крестьян и на попов, и на церковной причт, «во всяких исцовых исках суд давать» в монастырском приказе. Судьями монастырского приказа, кроме недолгого времени, были исключительно светские бояре и чиновники. Судьи назначались, получали содержание, были ответственны и увольнялись от должности самим царем без всякого сношения с церковной властью. Предметом занятий приказа был суд «во всяких исцовых исках», то есть гражданский суд во всяких гражданских исках для всех духовных учреждений и лиц.

Сами же духовные и церковные люди должны были искать на посторонних или отвечать в случае встречных исков в разных светских приказах, смотря по подсудности дела или лица.

Уложение дало полномочие суда над духовенством не одному монастырскому приказу; в городах, кроме Москвы, и провинциях воеводы могли судить живущих там архиерейских и монастырских людей по искам не выше 20 руб.; если же имели у себя приказную избу, то даже по искам и выше 20 руб., равно как по делам вотчинным, поместным и холопьям; это же дозволялось «Казанскому Дворцу» для понизовых городов.

Суду монастырского приказа не подлежал только патриарх со всем духовенством и церковными людьми, жившими и служившими в его домовых вотчинах. Почему был выделен только патриарх и его домовые вотчины из ведения монастырского приказа, объясняет I-я статья 12-ой главы Уложения; «потому что при прежних государех, и блаженные памяти, при великом государе и царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея Руси, ни в которых приказах на них суда не давали. А судили их на патриарше дворе, что судные дела слушает и указывает Патриарх».

Но изъятие было далеко не полное. Во второй статье 12 главы узаконяется подавать апелляцию на суд патриарших приказных к Государю и ко всем боярам.

Патриарший суд поступал, таким образом, под контроль светской власти. По 3-ей статье: патриаршьи служилые люди и крестьяне во встречных исках, т. е. когда они «учнут в которых приказах на каких людех всяких дел искать, а ответчики на них в тех же приказах, не сходя с суда, учнут встречно искать, должны были судиться в тех же приказах». Потом патриаршьи люди в других городах подлежали суду властелинскому по 3 статье 13 главы Уложения⁷⁴. Приведенные нами статьи о патриаршем суде по своей некоторой неточности давали простор к злоупотреблениям. Монастырский приказ по многосложности

отношений патриарха к людям и жизни умел показать свою власть над самим Никоном; ибо не напрасно же и не без причины патриарх жаловался: «нас самих и весь преосвященный собор мирские люди судят и называется тот судъ—монастырский приказ»⁷⁵.

Неудивительно, что такое вмешательство гражданской власти в церковные дела, такое унижение в судах церковной власти пред государственной вызвало впоследствии твердый протест со стороны великого иерарха русской церкви, святейшего патриарха Никона; одной из заветнейших его целей во время патриаршеского служения было уничтожение унижительной зависимости духовенства от светского суда. Не могла быть довольна церковная власть и постановлениями Уложения, касающимися владельческого права церкви. Мы видели, что постановление собора 1580 г., запрещающее монастырям,—кроме беднейших, покупать зыбли и вотчины, принимать их в заклад и на помин души в начале патриаршего периода не имело силы, и что вновь было жалуемо монастырям много угодий, при том с тарханскими грамотами, освобождающими монастырских людей от всех или большинства государственных податей и повинностей. Такими привилегиями церковей и монастырей в Уложенный период были уже недовольны мирские люди. И вот стольники, стряпчие, дворяне московские, и городовые дворяне и дети боярские и гости и пр. подали челобитную Алексею Михайловичу следующего содержания: «На Москве и около Москвы и в городех, где прежде бывали выгоны для скота, устроены патриаршия, монастырские, боярские и других чинов и людей слободы и пашни на государевой искони вечно выгонной земле. В посадах и слободах живут закладчики и их дворовые люди; покупали себе и в заклад побрали тяглые дворы и лавки, и погреба каменные, торгуют всякими товарами, своею мочью и заступлением тех, за кого заложились, откупают таможни, кабаки и всякие откупы, и от того они, служилые и тяглые люди, обнищали и одолжали, и промыслов своих многие отбыли. Искони при прежних Государях на Москве и в городех всего Московского государства ничего такого не было, а везде были государевы люди. Так государь пожаловал бы, велел сделать по прежнему, *чтобы везде все было государево*». Приведенная челобитная легла в основу статей XIX главы Уложения: «о посадских людех». Так 1) все слободы на Москве и около Москвы, принадлежавшие патриарху и вообще иерархам и монастырям «со всеми людьми, которые в тех слободах живут, всех взять за Государя в тягло и в службы безлетно и безповоротно, опричь кабальных людей». Вечно кабальных людей оставить за духовенством, а не давно сделавшихся «имать в посады жить». «А у

патриарха, продолжает Уложение, слободы взяти совсем, опричь тех дворовых людей, которые истари за прежними патриархи живали. Всех церковных людей, занимающихся торговлей, записать «в тягло» (3).

Пашенных крестьян, водворенных в слободах свести в их прежняя поместья и вотчины, а их лавки, погреба и соляные варницы продать государевым тяглым людям, и «впредь лавок и погребов и варниц, опричь Государевых тяглых людей, никому не держать» (5).

Слободы патриаршия, властелинские и монастырские, построенные в других городах на государевых посадских и других землях, но без государева указа, со всеми людьми и с землями по роспросу взят в посад без лет и безповоротно, за то не строй на Государевой земле слобод и не покупай посадской земли (7).

Самые вотчины взят за Государя в тягло, и только взамен дать владельцам их где нибудь из государевой земли (8).

Вотчины и поместья, стоявша рядом или около посадов, повелевалось «взят за Государя, и устроить их в посадки в ряд с своими Государевыми людьми тяглыми, всякими податями и службами» (9).

Людей, оказавшихся в закладчиках за патриархом и пр., «тех всех сыскивати и свозити на старые их посадские места, где кто живал напредь сего, безлетно же и безповоротно» (13).

Уложением же прегражден далее всякий путь к приобретению земельных владений церковными властями и монастырями. С этою целью составлена весьма обстоятельно, полно и подробно статья, которую вследствие ее особенной характерности необходимо привести подлинно. Указав, что еще при царе Михаиле Феодоровиче и патриархе Филарете Никитиче постановлено выкупать от монастырей жалованные вотчины, законодательство постановляет: «А ныне Государь Царь и Великий князь Алексей Михайлович всея Руси, советовав с отцем своим, и богомольцем святейшим Иосифом, патриархом Московским и всея Руси (далее перечисляются все чины церковные и светские) собором уложили впредь с нынешнего уложения Патриархам, Митрополитам, Архиепископам, Епископам и в монастыре ни у кого *родовых и выслуженных, и выкупленных вотчин непокупать и в заклад не имать, и за собою не держать. И по душам в вечной поминок не имать ни которыми делы.* И в поместном приказе, за Патриархом, и за митрополиты, и за Архиепископы, и Епископы и за монастыри таких вотчин не записывать. А *вотчиникам никому вотчин в монастыри не давати.* А дати в монастырь родителем их деньги, чего та вотчина стоит, или что умерший вотчине цену напишет в духовной. А будет родители тое вотчины себе взяти не

похотят и денег в монастырь не заплатят, и ту вотчину прикащикам продать сторонним людем, а деньги дать в монастырь по умершего душе по духовной. А будет кто с сего Уложения вотчину свою родовую, или выслуженную, или купленную продаст, или заложит, или по душе отдаст Патриарху, или Митрополиту, Архиепископу, или Епископу, или в который монастырь, и та вотчины взять на Государя безденежно, и отдать в роздачу челобитчикам, кто о той вотчине учнет Государю бить челом» (4).

Во всем Уложении эта статья единственная по своему особому изложению, обстоятельности, полноте и подробности. В ней выставляется единодушное согласие царя, всего духовенства на соборе с патриархом во главе и всех выборных людей земства на уложение статьи, перечисляются все духовные власти и учреждения, которым статья запрещает приобретать вотчины, указываются все роды вотчин, на которых положено запрещение, запрещены почти все действовавшие тогда между частными лицами способы передачи и приобретения имуществ, кроме пожалования от царя (запрещение такого рода не гармонировало с правами царской власти), наконец, устанавливается и мера наказания за неисполнение закона. Такая редакция показывает, что законодатель Уложения опасался неблагоприятного отношения к этой статье общества, что он много поработал над ней, чтобы предотвратить такое отношение и что у него было непреклонное намерение положить конец дальнейшему приобретению вотчин духовными властями и учреждениями. В добавление к этой статье и для достижения той же цели уложены еще несколько статей на случаи, непредусмотренные ею. Как то: а) матери и жены, но смерти своих детей и мужей, могли пользоваться сами выслуженными их вотчинами в известной доле пожизненно, но не имели права отдавать их по душе, т. е. на помин души духовенству (Улож. XVII, 2);

б) вотчинник или вдова, вступивши в монашество, сами теряли право на владения своими вотчинами, родовыми или выслуженными, или купленными, но также не имели права отдавать их и в монастыри (Ibid. 43);

в) незаконное владение вотчинами, например, без купчей или закладной и тому подобное, каковые случаи могли быть в то время в духовном ведомстве, наказывалось взятием таких вотчин за государя.

И эти добавочные статьи были не менее неприятны, чем главная 42-я. Все приведенные статьи собственно направлены против расширения владений монастырей и особенно церковных властей; самый принцип

права на владение вотчинами пока оставался неприкосновенным; к нарушению этого права сделан только важнейший шаг. Есть известие, что «стольники, и стряпчие, и дворяне московские и все выборные люди русской земли, присутствовавшие при составлении Уложения, били челом Государю, чтобы велел отобрать у патриарха и прочих архиереев и у монастырей, и у протопопов и попов все вотчинные земли, которые даны им или приобретены ими после 1580 года, вопреки состоявшемуся тогда постановлению и раздать служилым людям и бедным дворянам и детям дворянским»⁷⁶. Указ об исполнении челобитной был дан, но не был применяем на деле. Вообще церковь и церковная власть терпела от мирских представителей земского собора большое утеснение в своих исконных правах на владение землею и вотчинами.

Монастырский приказ вышел в своей деятельности из пределов назначенной ему чисто гражданской юрисдикции. Он часто вступал в суды и по духовным преступлениям. Он присваивал себе и административные функции, по своему усмотрению сменял и назначал по монастырям архимандритов, игуменов и других властей. Он «волочил» и притеснял поборами духовных лиц, имевших с ним дело, предписывал священникам исполнять их обязанности, вступался во всякие церковные дела и в святительские суды, осмеливаясь перевершать решения епархиального архиерея и вообще простер свою власть на всю русскую церковь, избирая по своей воле и поставляя даже епископов⁷⁷.

Если принять во внимание, что в XVII веке еще мало было развито понятие о разделении суда по предметам и что на этом основании светские чиновники могли как угодно перетолковать ту же 13 главу Уложения и вмешаться во внутреннюю церковную жизнь, то ясно будет, что учреждением монастырского приказа «церковный чин» отдавался в полное распоряжение светских государевых приказных. Если далее принять во внимание, что тогда не было еще разграничения функций судебной и административной, то, неудивительно, что на основании того же Уложения, как свидетельствует история, государевы приказные вмешались и в самое управление церковью. Одним словом, светская власть «расширилась над церковной, и священство было, по характерному выражению того времени «влачимо ею»⁷⁸.

б) 2. Существо перемены в отношениях между светской и церковной властью по Уложению.

Уложением произведены значительные перемены в отношениях между светской и церковной властью⁷⁹, так чрез учреждение монастырского приказа законодатель произвел весьма значительные изменения в формах церковного суда. Прежде приказу Большого Дворца, или существовавшему в нем, в виде особого отделения, монастырскому приказу, подлежали, по гражданскому суду, только те монастыри и духовные лица, которыя имели несудимыя грамоты; теперь этому приказу подчинены все монастыри и все лица духовного звания и ведомства. Второе отличие.—Прежде, в случае иска на митрополита, архиепископа и пр., они судились у самого государя в приказе Большого Дворца; суд был почетный. Теперь же прямо было узаконено, что все духовные лица и учреждения со всеми слугами и крестьянами, должны вестись в монастырском приказе; духовенство поступало по судебным гражданским делам в полное ведение светских чиновников. Если церковная власть могла мириться с подсудностью по гражданским делам у самого государя, то судъ-государевых приказных был уже очень унижен; характерно выражалось само духовенство, называя такой суд "влачением". Таким образом, существо монастырского приказа заключалось в том, собственно, что он был судебно-государственным местом для духовенства и подведомых ему людей в гражданских исках. Учреждением и действиями сего приказа уничтожалось старинное право, по которому духовенство и в исцовых исках считалось подсудным церковному суду.

Связь уложения с предшествующим законодательством по делам церкви, с предшествующей политикой светского правительства очевидна. Начало тому направлению, которым проникнуто Уложение, положено, как мы видели, в конце митрополичьего периода. Уложение отличается от предшествующих законодательств по делам церкви, во первых, решительностью, во вторых, большею силой самого авторитета, как земское законодательство и в третьих, большею полнотою и всесторонностью.

Разсмотренные статьи Уложения ограничивают самостоятельность и широту церковной власти даже в церковных делах. Русская церковная власть многими исторически-сложившимися правами и даже самостоятельностью во внутреннем управлении должна была поступиться в пользу государственной власти. Церковная власть удалялась от

непосредственных отношений даже к духовенству и заменялась во многих отношениях светским правительством. Наступление на права и привилегии церковной власти со стороны государственного правительства было решительное и сильное; об учреждении монастырского приказа государь даже и не спрашивал совета у духовных чинов земского собора и указал быти ему «по челобитью стольников, и стряпчих и дворян Московских и городовых дворян, и детей боярских, и гостей, и гостинные, и суконные и иных торговых и посадских людей, т. е. мирских чинов». Эти же мирские чины настояли на сокращении владельческих прав церкви; они же подавали челобитную об отобрании у монастырей и иерархов Русской церкви пожалованные им вотчины после собора, запретившего сие в 1580 году. Государственное правительство с удовольствием видимо согласовалось с челобитными их и действительно, старалось сделать, *«чтоб везде было все государево»*.

Уложение по всему своему духу есть одно из произведений новых начал исторической жизни, которая, по сравнению с прежними религиозно-церковными, можно назвать государственными.

Государственным началам противоречили судебные полномочия церкви и потому налагается на них рука государственной власти; налагается рука и на земельные владения церкви: прежний мотив увеличения земельных владений ея—"обеспечение церковного строения"—теперь забывается, отодвигается на задний план пред государственными интересами.

Общий дух законодательства Уложения по делам церковным, общее его направление показывает всю серьезность тех испытаний, которые постигли Русскую церковь в патриарший период её жизни. Нужно было защитить и укрепить религиозно-нравственные начала жизни, нужно было поддержать нравственный авторитет служителей церкви, сильно колеблемый государственной тенденцией Уложения; вообще, нужен был со стороны церкви добрый воин Христов, который мог бы всего себя, с полным самоотречением положить на борьбу с духом времени. Такого поборника по церкви воздвиг Господь в лице знаменитого иерарха святейшего патриарха Никона.

Глава четвертая. Отношение между светской и церковной властью при патриархе Никоне.

а) 1. Возстановление общественно-государственного значения церковной власти при патриархе Никоне и вместе исторически сложившейся самостоятельности её в церковных делах. Опала патриарха и неблагоприятные последствия ея.

Упавшее при п. Иосифе значение церковной власти в жизни общественной и государственной, а также во внутренней церковной снова было возстановлено при святейшем патриархе Никоне. Еще в сане Новоспасского архимандрита Никон оказывал уже влияние на общественную жизнь. Он выступил в высокой роли печальника за обиженных в суде (в судах, по свидетельству истории, тогда царствовало взяточничество, несправедливость, притеснения). На пути к царю он принимал просьбы от народа и ходатайствовал по ним. В сане митрополита Новгородского он был для Новгорода полномочным наместником государя. Он имел право наблюдать за производством всех судебных дел и своею властью или утверждать или изменять решения суда. Он имел право освобождать из темничного заключения. Святейший Никон оправдал любовь к нему царя при усмирении народного мятежа, вспыхнувшего в Новгороде в 1650 году. Неустрашимый архипастырь, всегда готовый положить душу свою за люди своя, сам, вверив себя Богу, вышел к крамольникам. Разъяренная толпа, подстрекаемая зачинщиками, не пощадила Архипастыря и стала бить его, а он же молился за них: «Отче! не постави им греха сего». Полумертвый Никон был отбит от расходившейся толпы некоторыми благоразумными людьми; когда оправился святейший Никон, то тотчас же поехал в собор для служения литургии. Тут же он для усмирения бунта употребил и духовную власть свою, предав главных зачинщиков анаеме, потому что другими средствами невозможно было подействовать на них.

Когда бунт утих, страсти народные успокоились, все стали каяться в своем неразумии. Митрополит Никон с своей стороны простил виновных и даже явился ходатаем за народ пред государем.

Алексей Михайлович глубоко благодарил митрополита Никона в письме; указав на его самоотвержение царь писал: «Пишу тебе светло сияющему во архиереях, аки солнцу сияющему по всей вселенной, так и тебе сияющему по всему нашему государству благими нравами и делами добрыми... собинному нашему другу душевному и телесному»⁸⁰.

В сане патриарха Московского и всея России святейший Никон ревностно продолжал свое печалование за народ; он и здесь часто перерешал судебные дела, неправильно решенные, чем весьма, конечно, были недовольны бояре; без преувеличения можно сказать, что в сане патриарха Никон был соправителем царя прежде всего во внутренней жизни.

И во внешней политике святейший п. Никон имел громадное значение. В его время возник вопрос о присоединении Малороссии. Хмельницкий от лица Украйны ходатайствовал пред Алексеем Михайловичем о принятии Малороссии в подданство России; бояре давали уклончивый ответ, медлили, боялись за последствия; один святейший Никон, прекрасно понимая всю благоприятность обстоятельств, настаивал на присоединении единоверных к единоверным. Его ходатайство было принято и на предложение царя последовал единодушный ответ «для православные христианские веры и св. Божиих церквей, гетмана со всем войском принять в подданство России»⁸¹. Января 8-го 1654 года, благодаря патриарху Никону, совершилось торжество соединения Малороссии с Московским государством.

Патриарх Никон благословил потом царя на войну с Польшей из-за Малороссии, – войну, прославившую царя и русское воинство. Царь о всех своих успехах немедленно давал знать святейшему патриарху. В отсутствие царя государственными делами правил п. Никон; так на Руси, как известно «изначала повелось». Современник указанных событий так изображает временное правительство: Царь для управления делами во время своего отсутствия назначил наместника и нескольких подчиненных ему сановников и подчинил их патриарху Никону, без согласия которого они не могли решать ни одного дела, как большого, так и малозначущего. Они должны были являться к нему с докладами всякое утро, и, если кто из них опаздывал, то принужден был дожидаться позволения войти у крыльца, как бы жесток ни был мороз, потому что двери запирались в известный час, и стражи никого не впускали⁸². Пока был силен п. Никон, Уложение Алексея Михайловича в церковной жизни не имело значения; его как бы не существовало. Суд и расправа над всем церковным чином и людьми принадлежали церковной власти, особенно в патриаршей епархии; управление монастырскими владениями оставалось по прежнему в руках патриарха и епископов.

Чрезвычайное влияние патр. Никона в делах государственных и полнота власти в церковных объяснялись не только его обширным умом, но и соответствующими воззрениями царя Алексея Михайловича.

Алексей Михайлович питал глубочайшее уважение к церковной власти, независимо от лица, ее представляющего. Свои воззрения Алексей Михайлович излагает, между прочим, в письме к митр. Никону о смерти и погребении патриарха Иосифа. Все письмо дышет великим смирением царя и глубочайшим его почтением к патриарху; оно свидетельствует как близки были дарю интересы церкви и как сильно они его волновали. Настолько здесь живо и естественно царь передает свои церковные мысли и чувства, что это письмо можно считать замечательнейшим памятником убеждения Алексея Михайловича по вопросам церковным. Многие стороны этого глубокоинтересного письма свидетельствуют о добрых отношениях Великого Государя к Великому пастырю. В виду значительной обширности (78–86 печ. стр. Акт. Археограф. Экспед. т. IV-й Спб. 1836 г.) этого письма для нашей цели достаточно будет передать его в извлечении. Царь, когда услышал о болезни патриарха, с сыновнею заботливостью посылает справляться о здоровье его и сам лично навестил больного и дожидался с час его, государя, в крестовой (78). Боясь за здоровье патриарха царь просит не провожать его, а поскорее возвратиться в свои внутренния кельи, «и я стал, и учал его ворочать: воротись, государь, ей пуще тебе будет и он мне жалуется говорит: ино су я тебя и вдругоредь благословлю; и я молвил: пажалуй же, государь великий святитель, благослови и третицею, и он пожаловал и в третий благословил, да как благословит, и в руку дает целовать и в херувим; и я благословясь да поклонился ему в землю и поцеловал в ногу» (79). В своем письме Алексей Михайлович умилительно передает всю трогательность и сердечность прощания. О впечатлении смерти патриарха царь так пишет: троекратный удар в царь колокол возвестил о смерти патриарха, «и на нас такой страх и ужас нашел, едва, петь стали и то со слезами, потому что кто преставился, да к таким дням великим (Иосиф скончался в великий четверг), кого мы грешные отбыли; яко овцы без, пастыря не ведают, где деться, так то мы ныне грешные не ведаем, где главы преклонити, понеже прежнего отца и пастыря отстали, а нового не имеемъ.... А мати наша соборная церковь вдовствует, зело слезно и вельми сетует по женихе своем; и как в нее войти и посмотреть.... все переменялось не токмо в церквах, но и во всем государстве; духовным делам зело разсуждения нет и худо без пастыря детем жить». Сообщая Никону, что п. Иосиф говаривал ближним своим, что его хотят сместить, но что он не допустит до сего, а сам за сором об отставке будет бить челом, Государь пишет, что «содетель наш Творец видит и на уме у нас того не бывало и помыслить о том страшно, чтобы его света отставить или ссадить с безчестием; хотя бы он и

еретичества держался, и тут как мне, одному отставить его без вашего собора; отнюдь в помышлении нашем того не бывало».

К выяснению взглядов самого Алексея Михайловича на отношение между светской и духовной властью может служить и замечательное его молебное послание к мощам святого Филиппа⁸³.

«Христову подражателю, небесному вышеестественному и плотному Ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю нашему, пастырю же и молитвеннику, великому господину, отцу отцем преосвященному Филиппу Митрополиту Московскому и всея Руси, по благоволению Вседержителя Христа Бога, Царь *Алексей*, чадо твое за молитвы святых ти здравствует. Ничто же ми тако печаль души творит, Пресвятой Владыко! Яко еже не быти тебе Богохранимого царствующего нашего града Москвы во святой, велицей и преименитой соборной Апостольской Церкви Пресвятыя, Чистыя и Препоблагословенныя Владычицы Нашей Богородицы и Приснодевы Марии святого ея Успения наполняюща место с прежде бывшими тебе и по тебе Святители, яко дабы купно, ваших ради молитв, святая соборная и апостольская церковь и яже о Христе вера, еюже спасаемся, пребывала выну неподвижна и стадо ваша Святительские паствы ненаветно от всепагубных волк; *не бо и мы своею силою и многооружным воинством укрепляемся, но Божию помощию и вашими святыми молитвами вся нам на пользу строятся*. Второе, молю тя и приидти желаю семо, еже разрешити прегрешение прадеда нашего Царя и Великого князя Иоанна, нанесенное на тя неразумно завистью и неудержанием ярости и еже на него твое негодование аки общники и нас творит злобы его, яко же пишется: терпчины бы родительные оскомины чадам различне творят, обаче превратися от Бога се; рече бо пророком не быти тако глагол сей, но ядшему терпкая, тому и зубом быти оскомины. Аще и неповинен есмь досаждения твоего, но гроб прадедний присно убеждает мя и в жалость приводит, послушествующе списаному житию и страданию твоему совести моей яко от того изгнания и до днесь лишается твоя Святительские паствы царствующего града. И сего ради *преклоняю саш свой Царский за оного*, иже в тя согрешившего да оставиши ему согрешение его своим к нам пришествием, да подашь тому прощение, даже от сего и поношение на него о твоём изгнании ктому упразднится и вси вознепщуют, яко мирну ти сущу к нему, за благодать твою, еже к нам твоего пришествия, вкупе и бытия во святей соборней Апостольстей церкви. Сего ради тя молю о сем, о священная главо и честь моего царства! *твоим преклоняю честным мощем и повиную к твоему молению всю мою власть*, да пришед, простиши, иже ты оскорби по напраснству; раскаяся бо

о содеянном и он тогда, и за того покаяние к тебе и нашего ради прошения, прииди к нам, святы́й Владыко! исправимся тобою и Евангельский глагол, за него же ты пострада, *заеже всяко царство раздельшееся на ся не станет* и несть пререкующего ти глаголати о свидениях Господних, и благодать Божия в твоей пастве, за молитвы святых ти в нашем царстве присно изобильствует, и несть уже днесь в твоей пастве некоторого разделения. Аще бы убо был, не бы стояло доселе, разделения ради; но ныне вси единомышленно просим и молим тя, даруй себя желающим тя, прииди с миром во свояси и своя ти с любовью примут и не вмени се искус быти некий, или ино что, яже нами посылаемое моление. Веси бо, о священный верше, воистину, яко чужда нам сия, темъже и уповаем на Господа, прияти тя скоро и облобызати, яже нами уповаемая честные мощи. О священная главо, святы́й Владыко Филиппе, пастырю наш! молим тя не презри нашего грешного моления, прииди к нам с миром, Царь Алексей, желая видет тя и поклониться мощем твоим святым». Здесь Алексей Михайлович высказывает всю глубину своего церковного непонимания: «не бо и мы своею силою и многооружным воинством укрепляемся, но Божию помощию и вашими святыми молитвами вся нам на пользу строятся», и в другом месте: «твоим преклоняю честным мощем и повиную к твоему молению всю мою власть». Несогласие царя и патриарха губительно не только для церкви, но и государства, «заеже всяко царство, раздельшееся на ся не станет».

Не менее замечательно для характеристики взглядов царя Алексея Михайловича следующее письмо его к Никите Ивановичу Одоевскому, главному деятелю при издании соборного Уложения. Описав встречу Москвою мощей святителя Филиппа, царь переносит мысль на интриги против святого Филиппа бояр, осуждает эти интриги и восхваляет исполняющих заповеди Господни и стоящих за правду в следующих красноречивых словах: «Где гонимый и где ложный совет? Где соблазнитель и мздою ослепленные очи? Не все ли погибли злою смертью и исчезли на веки? Не все ли в здешнем мире приняли месть от прадеда моего царя Ивана Васильевича, а на том свете вечную муку, если не раскаялись? О блаженные заповеди Христовы! О блаженна истина нелицемерная! О блажен воистину и треплажен тот, кто исполнил заповеди Христовы и пострадал от своих за истину! Нет ничего лучше, как веселиться и радоваться в истине и правде, за нее страдать и людей Божиих разсуждать по правде. А мы ежедневно у Создателя Бога и святых Его просим, чтобы Господь Бог даровал нам, великому государю, и вам боярам с нами единодушно люди Его световы судить по правде всем равно

и о всех христианских душах поболение мы имеем, чтобы крепким в вере быть и в правде и истине как столпам стоять твердо, и за нее пострадать до смерти во веки и, на веки»⁸⁴.

Шесть лет продолжалась собинная дружба царя и патриарха; шесть лет они «вкупе и согласии» правили государством и церковью к облагу всего народа. Затем, поддавшись влиянию недругов патр. Никона, обвинивших последнего с «расширении над властью царской» Алексей Михайлович послал сказать патриарху Никону, что бы он «не писался великим Государем и что впредь почитать его не будет»⁸⁵.

Патриарх Никон стоящий выше всяких интриг и потому неспособный к ним, не хотел защищать свое положение; не смотря на слезные мольбы народа он удалился в Воскресенский монастырь, «дая место гневу государя», как сам он выражался⁸⁶. Монастырский приказ после этого вошел в силу и даже начал превышать присвоенные ему по Уложению права.

Святейший патриарх Никон увидел в порядках церковной жизни, устанавливаемых Уложением, посягательство светской власти на свободу церкви, на независимость церковной власти в делах церковных. Патриарх Никон понимал светлым и обширным умом своим, что уважение народа к вере и церкви весьма тесно связано с уважением к служителям веры и церкви и потому мог ли он молчать, видя, как унижали «церковный чин», влача его по мирским судилищам или отбирая у него законные владения. Прекрасно понимая, что государственные начала, внесенные в жизнь Церкви, могут в конец уничтожить дух церковной жизни, святейший Никон противопоставил им древнерусские церковные начала, которыми проникнута была прежде даже и государственная жизнь.

У патриарха Никона защита независимости церковного суда и церковных владений ставится в неразрывную связь с вопросом о церкви и церковной власти; из его защиты можно выделить мысли принципиально решающая—что такое церковная власть, каковы должны быть отношения к ней светской власти, каковы вообще должны быть взаимоотношения этих двух властей и отсюда—заключение о неприкосновенности прав церковной власти—судебных и владельческих, о незаконности вмешательства в эту область светской власти.

б) 2. Взгляд патриарха Никона на церковную власть, на отношения к ней светской и на взаимные их отношения.

То возвышенное представление о церковной власти, какое имели русские люди искони, и вследствие которого ей предоставлено было широкое участие в делах государственных и гражданских, имел и святейший Никон. Он явился только твердым и решительным выразителем исконного русского представления. «Патриарх есть образ жив Христов и одушевлен, делесы и словесы в себе живописуя истину»⁸⁷. Как живой образ Христа, патриарх стоит выше всякого постороннего влияния. "Мы иного себе Законоположника, торжественно заявляет, Никон, не ведем, разве Христа», Который дал святым своим ученикам и апостолам власть «вязати и решить»⁸⁸. Власть «вязать и решить» и составляет одно из главных преимуществ священства пред всякою другою властью. Высший суд в церкви принадлежит патриарху; на суд патриарха уже не может быть никаких апелляций; его не могут изменить даже все епископы. «Правила св. отец, пишет Никон, не оставляют патриарший суд никому посуждать, не точию пришельцу, но и всем епископам»⁸⁹. Церковной власти патриарха подлежат прежде всего все члены той церкви, представителем которой он состоит; ему же, как отцу отцов, должны подчиняться и все епископы⁹⁰, хотя и они суть подобники Божии⁹¹. Припоминая собор русских архиереев 1660 года, созванный царем для осуждения его, патриарха, святейший Никон горько жалуется на отступничество митрополитов и архиепископов. «Митрополиты и архиепископы обещались во всем последовати и повиноватися вселенским патриархом и помим нам *отцу своему*, еже и по нас бывающим благоволением Божиим святейшим патриархом, и не сотворити им ничто же по нужди, ни от царя и великого князя, ни от бояр и князей многих, ни от множества народа, аще и смертию воспретят, иль служити велят»⁹².... Самого патриарха не могут судить все епископы. Для суда над ним необходимо присутствие собора патриархов. По сему вопросу святейший Никон пишет к цареградскому патриарху Дионисию и свою мысль выражает в следующих ясных и твердых словах: «О суде како подобает патриарха судити, от коликих патриархов и митрополитов и епископов, се ведомо есть вашей пресвятости, токмо и митрополита не подобает судити, по правилом святых Апостолов, без патриарха, колми паче патриарха без собора святейших и вселенских патриархов судити»⁹³. Такую же мысль он проводит и в своем возражении. «Глаголи лжесловче, обращается

святѣйшій Никон к Паисию: где есть писано еже бы своего архиепископа, или митрополита, свои епископы собрався судили, но митрополит епископа судит со епископы, а митрополита патриархъ... а яже о патриарсех нигде не обретається, еже бо от своих епископ судиму быти»⁹⁴. Суд патриархов он почитал как высшій и окончательный, и только просил их «за вся судити нас с царским величеством праведно, якоже лепо быти, зане будете и вы сами судитися в страшный день второго пришествия»⁹⁵.

По сравнению с властью царской власть церковная стоит гораздо выше, но высота эта чисто нравственная, основывающаяся только на характере самого служения; последнюю мысль святѣйшій Никон подчеркивает: «священство и самого царства честнейши»⁹⁶ и «священство более есть царства»⁹⁷. Престол священства «на небеси посажден есть», по глаголу Божию: «елика бо аще свяжете на земли, будут связана на небесех. «Мы же не своею властью вяжем, но Божиею благодатию»⁹⁸. Что может сравниться с этою честью: суд от земли восходит на небо чрез священника, который поставлен посредником между Богом и людьми. «Сего ради и царие помазуются от священническую руку, а не священныя от царские руки, и самую царскую главу под священниковы руце принося полагает Бог»⁹⁹.

Самое сравнение областей ведения той и другой власти, а также назначения их показывает нравственное превосходство церковной власти пред светской. Царь имеет власть над человеком только здесь, на земле, и при том лишь над его телом и внешним благосостоянием, а духовный пастырь имеет такую власть над человеком, влияние которой отражается на небеси и при том касается самого важнаго для человека—его вечнаго спасения. Эта параллель проводится Никоном очень строго. «Царь здешним вверен есть, а аз небесным; царь телесем вверен есть, иереи же душам, царь долги имением оставляет, священник же долги согрешением; он принуждает, а сей утешает; он же нуждею, сей же советом; он же оружия чувствена имать, а сей духовная»¹⁰⁰. Из этого сравнения святѣйшій Никон делает прямой вывод, что «священство царства преболее есть». Самыя средства для осуществления целей у церковной власти гораздо выше, нежели у гражданской. Царь принуждает, а патриарх утешает и действует советом; царь имеет оружие чувственное, а патриарх духовное; царь брань имеет к сопостатом, патриарх же к началом и ко властем и к миродержителем тмы века¹⁰¹.

Разсуждая о происхождении той и другой власти, святѣйшій патриарх Никон и в этом видит указание на превосходство церковной власти. Историю учреждения священства он разсматривает со времени Моисея;

перейдя затем в Новый Завет, он указывает на поставление I. Христом апостолов, потом говорит о поставлении апостолами епископов, о выделении патриархатов, об учреждении иерархии в России и, наконец, об учреждении патриаршества в Москве. Во всей истории ясны следы промысла Божия, а не своевольных желаний грешных людей. Царская же власть установлена по желанию людей и вопреки прямой воли Бога. Рассказывая об установлении царской власти по Библии, патр. Никон подчеркивает следующие слова Бога: «Послушай гласа людей"... яко не тебе уничижиша, но Мене, не царствовати Ми над ними – оставивше Мя»¹⁰².

Самое поставление в цари показывает превосходство церковной власти над светской. «Поставляему царю преклоншу главу, и патриарх возложит на верх главы его руку, и глаголет молитву во услышание всем. Зри, человекоугодниче, кто кому привилеи дает. Се не царь на патриаршу главу руце возлагает, но патриарх на царскую главу. Сего ради всегда яко долг отдая благодетелю царь главу свою подклоняет под священнические руки»¹⁰³.

По взгляду Никона, как в помазании царей от священников, так и в священническом их благословении выражается также превосходство церковной власти – «меньшее бо от большего благословляется». Обращаясь к истории, патр. Никон приводит много примеров, как сами цари предпочитали священство пред царством.

С особенной любовью он останавливается на личности царя Константина В. и приводит в пример для подражания его веру, добродетельность и глубокое почитание церкви и её пастырей.

Из вышеизложенного разсуждения о власти церковной и ея нравственной высоте патр. Никон делает заключение, что царь и патриарх имеет друг к другу нравственные обязательства.

Царь, как сын христианской церкви и как христианский государь, должен иметь «страх Божий в сердце и сохранять веру христианскую закона Греческого честну и непоколебиму. Ко святей же соборной церкви и ко всем святым церквам иметь веру и страх Божий и воздавать честь, и ко святым честным монастырем велию веру держать и к нашему смирению (патриарха ко всем своим богомольцам, о святем Дусе царское свое духовное повиновение, ведяще: «елико кто честь святителю воздает, и та честь самому Христу восходит»¹⁰⁴. Так поступать по отношению к церкви и церковной власти обыкновенно обещается царь при своем помазании; это и приводит святейший Никон на память царю. Как христианин, царь должен с уважением относиться к церковной власти, как

хранительнице христиански-нравственных начал жизни и в этом отношении с любовью слушать её советы и наставления¹⁰⁵. «Иже чтит иерея, чтит вышнего Бога, понеже иерейская честь на Бога восходит; да яко убо тако к простым иереем заветание и повиновение подобает соблюдати, кольми паче ко превосходящим честью, наипачеже сему ныне святопомазанному превысокому патриарху, отцем отцу и крайнему святителю, его же сан святительства не точию зде, но и в самом небеси могущ есть»¹⁰⁶. Патриарх в силу своего звания, как верховный блюститель правды, не может молчать при нарушении ея. «А что о правде говорили, пишет патр. Никон к патр. Константинопольскому Дионисию, и бедных от бед избавляли, и то мы архиереи на сие поставляемся»¹⁰⁷ это—старинное святое право церковной власти—право печалования, которое отстаивалось при всех русских митрополитах и патриархах, и за которое пал великий русский святитель, митрополит Филипп. Русская церковная власть всегда считала своим долгом напоминать государям об обиженных, не стеснялась она говорить об обидах и от самого государя, говорить самому же государю, что, конечно, было неприятно ему, как показывает исторический договор Иоанна Грозного с митр. Филиппом о прекращении печалования. Святейший же Никон считал обязанностью пастыря бороться против всякой неправды, против всякого злоупотребления власти и считал это заветом самого Христа: на власти церковной лежит также и прямая обязанность обличать за неправду даже самого царя,—"обличать по достоянию не возбраняется"; по правде кто обличает царя, «несть муки достоин»; царь не должен на это гневаться¹⁰⁸. Патр. Никон потом свидетельствует, что теперь (после Уложения) этих добрых отношений уже не стало. Ов негодует на то, что дворец царский, куда свободно допускаются иноверцы, издавна ненавистные русским, сделался недоступным для русского православного духовенства; «здесь же в России не точию к царю приходит епископом или архимандритом и монахом, но ни на двор царский прощено есть. Всем убо еретикам, жидам, махометом и лютором и кальвином не возбранено приходити. Единым точию епископом и архимандритом и игуменом и монахом приход на царский двор возбранен есть»¹⁰⁹. Из этих слов патр. Никона можно судить, сколь сильно переменились прежния отношения светской власти к духовному чину. Защитить старый строй патриарх хочет учением священного писания. Божественное писание ясно говорит, что должно слушать учителей Божиих и покоряться им, потому что они заботятся о душах. Слушающий их слушает самого Господа. «Како же той послушник Божий будет, восклицает Никон, иже не послушает Божиих учитель, но и

отметник есть таковой», тогда как должно их слушать, «и непросто слушать, но и повиноваться»¹¹⁰. Теперь доселе столь учительная и сильная речь духовенства стеснена, потому что по Уложению такую речь можно счесть за безчестие, а за безчестие наложено страшное наказание¹¹¹. «Не суть-ли дьявольский сей закон, возмущается патр. Никон, ей, самого Антихриста, дабы никто не смел, тяжести ради Уложенные, никому о правде слова Божия проповедати»¹¹². Людей, не слушающих церкви, не внимающих обличениям её служителей, а напротив дерзающих наказывать за обличения, по справедливости можно назвать «Богоотступниками и предтечами Антихристовыми». Они заслужат великие мучения «паче Содомлян и Гоморян»¹¹³. В порядках новой Жизни он увидел крайний мирской дух, исключительно человеческий. «Збысться писанное, измениша бо славу Божию во славу человеческую; возлюбиша славу человеческую паче, нежели славу Божию»¹¹⁴. Это именно направление особенно возбуждало и поддерживало его ревность, его протест против Уложения.

Таковы взгляды патр. Никона на отношения светской власти к церковной. Это, так сказать, нравственная сторона дела; но эти две власти имеют еще и другия стороны соприкосновения—гражданские. Обе власти, служа различным целям,—душевному спасению и житейскому благосостоянию человека,—вследствие необходимой связи целей по существу дела служат друг другу, одна поддерживает другую и с этой стороны «не выше друг друга». Согласно с этим принципом патр. Никон высказывает свой взгляд о существовавших тогда внешних отношениях властей. Об этих отношениях взгляд патр. Никона всего яснее высказывается в следующем классическом изречении, выражающем истинный принцип нормальных отношений той и другой власти. «Добро всякому своя мера хранити, в не же кто призван, в том да пребывает»¹¹⁵; и в другом месте: «Подобает комуждо своя мера знати, а не совосхищатися на несущая своя»¹¹⁶. Ясна мысль, выраженная в этих словах святейшего патр. Никона. Как власть церковная, так и государственная не должны вмешиваться в область ведения той или другой. «Иде же бо святительская власть, и христианского благочестия глава, небесным Царем уставлена бысть, не достойно есть тамо власть имети земному царю»¹¹⁷. Святейший Никон требует полной независимости, полной свободы действий церковной власти. «Ина убо власть царю и ина архиерею»¹¹⁸. Это должна помнить гражданская власть и не вмешиваться в церковные дела. «Аще царь есть, пребывай в своих уставах»¹¹⁹; также со своей стороны должна относиться церковная власть к государственной, т. е. не вмешиваться в

дела ея. «Отдадите убо Кесарева Кесареви, и Божия Богови. Не безбедно есть рабу царским себя чином, именем и достоянием почести, так и царю не без муки, еже предпочитати самому себя и описоватися между Божественных таинств ветхого и нового заветов, расширяяся»¹²⁰. Что может дать светская власть церкви, спрашивает Никон, если сама того не имеет?—Священство-ли? Но она не может преподать его, потому что ей дано этого права от Бога; напротив, по правилу, всякий, приемлющий церковь от мирской власти, извержется»¹²¹. «А еже глаголеши, совопросниче, что царское величество вручил Никону, чтоб досматривал всяких судеб церковных, что вручил, его же сам не имеет, како может инем преподати, аще сам кто не имев. Аще-ли глаголеши,—яко священства благодать—хулит царь Святого Духа благодать, и его же благодатью мы вси приемлем благодать,... Далее говорит что власть «вязати и решити» не мог дать царь, ибо эта власть дана Апостолам и их преемникам¹²². Предоставление некоторых материальных благ служителям церкви не обязывает их к какому либо подчинению; поэтому и великому государю «святая соборная церковь ничем не повинна, кроме как, по завещанию св. апостол «молитвою и честью»¹²³. Милостыня церкви идет для вечного поминовения «даятеля», чтобы он наследовал живот вечный. Более картинно и ясно изображает патр. Никон обязанности той и другой власти и их взаимное отношение в следующих словах, которыя впоследствии дали повод некоторым историкам заподозрить патр. Никона в папизме. «Господь в церкви утвердил два меча владычествовати: духовный и мирский, от них же архиерей духовный, царь же мирский. Который из них вышний и достойнейший»?.—Никон указывает два существующих в его время мнения. Одни разумеют, что царь «вышши, неже архиерей», «но противу сего суть нецыи тако утверждают, яко архиерей вышши есть, неже царь». Затем святейший Никон напомнив, что «власть и владычество церкви вящци процвете во время великого Константина царя», рассказывает содержание известного дара Константинова папе римскому Сильвестру. Дар Константинов навел на великое сомнение в решении вопроса о власти царской и патриаршей. Некоторые ученые разумеют, что при Константине явно засвидетельствовано превосходство власти патриаршей над царской, другие же на основании дара Константинова, утверждают, что архиерей может соединять в себе власть духовную и власть мирскую.—"Но дабы в должайшую беседу не вдавали, приступим к сему, како бы тое себе противное разумение соединити и власть коегождо истинно показати и тако заминение сопротиворечия будет». И дальше святейший Никон излагает подробно, точно и ясно свои воззрения по

интересующему нас вопросу. «Господь Бог всесильный, егда небо и землю сотворил, тогда два светила солнце и месяц на нем ходящи на земли светити повеле, има же нам показа власть архиерейскую, месяц же показа власть царскую, ибо солнце вяще светит во дне, яко архиерей душам, меньшее же светило в нощи, еже есть тел. Яко же месяц емлет себе свет от солнца, такожде и царь: поемлет посвящения помазание и венчание от архиерея, его же абие восприемлет, уже имать свое совершенное светило, еже есть и святейшую силу и власть; таковое есть то разньство между тыма двома лицама во всем христианстве, яковая есть между солнцем и месяцем, ибо архиерейская власть во дни, еже есть над душами, царская же власть в вещех мира сего, и сия власть еже есть меч царский, имать готов быти на неприятели веры православные, того бо архиерейство и все духовенство потребует, еже их обороняют от всякие неправды и от насилования, то мирстии повинни. Убо и духовных мирстии для душевного избавления, и мирских духовнии для обороны потребуют, и тако несть в том един другого вышши, но кийждо имать власть от Бога.... А еже архиерей царя венчает и освящает, тогда то творит виною чина своего, тем же царь показывает добровольное послушание архиереови, ибо аще бы от него и поставлен не был, обаче бы был царем, достоинства царского достает мечем, имени же царского освящением архиерейским, его же архиерей сотворити виновен. Ведати подобает, яко не вредит закон царский закону духовному ни в чем, понеже в вещех духовных воля царская не имать быти свыше закона духовного, ниже что пристойного в церкви царь того предусавляти, или властельствовати имать. Такожде разумети должно и о архиереах, и о правилех духовных, яже повелевают содержати, и престрегати законов царских, ибо един единого законы подтверждают, никто же имать правилом церковным, и законом царским, и отец святых учению противитися, или отвецати что...; в вещех духовных архиерей великий вышши царя, и кийждо человек православный архиереови в послушание повинен, понеже он есть отец наш в вере православней, ему же вверена православная церковь»¹²⁴.

Приведенные обширные рассуждения святейшего патриарха Никона не требуют особых пояснений; в них святейший Никон устанавливает вселенский принцип нормальных отношений между церковью и государством—тот принцип, который установил сам Господь, сказав: «воздадите убо кесарева кесареви, и Божия Богови».

Из взглядов великого иерарха Русской церкви, святейшего патриарха Никона, на отношения между церковной и гражданской властью вывод прежде всего тот, что церковная власть должна быть независима от

светской в управлении церковью. Ей безраздельно принадлежит и право церковного суда и право управления владениями (против статей Уложения) и право избрания иерархов церкви (против злоупотреблений, развившихся на почве Уложения).

с) 3. Взгляд патриарха Никона на судебные права церковной власти.

По вопросу о суде святейший патриарх Никон хотел утвердить ту исторически сложившуюся на церковных началах теорию, что субъектом права суда является Бог. «Како же ты, писателю суда царска, а реку беззакония, суд глаголеши государя царя. Суд бо Божий есть и от исперва, а не царев»¹²⁵. Отвещай, обращаясь к ответотворцу (Паисию, митроп. Газскому, давшему ответы на вопросы Стрешнева), пишет святейший патр. Никон, в которых то правилех написано, что суд великого государя царя, а не Божий»¹²⁶. «Преписав на царское имя суд государь на самого Бога вознеистовствася и преобидит Божию власть»¹²⁷. Ту же мысль он повторяет и во многих других своих писаниях. Очевидно он возстает против того, но по Уложению уже не полагалось, так сказать, справляться с законами святых апостолов и святых отец и учителей и законоположников, как это было в эпоху господства церковных начал, а только с волей государя, выраженной в Уложении. Если вообще суд должен быть на нравственно-церковных началах, то тем более суд церковный. В другом месте патр. Никон, доказывая эту мысль, пишет: «послушай Божественного учения, еже глаголет Господь: Аз глаголю вам, яко всяк гневайся на брата своего всуе, повинен есть суду. Которому суду? Не твоему незаконному, но суду Божию, нелицемерному и неумытному, яко же учит нас святое священное Евангелие»¹²⁸.

Церковь имеет свои собственные законы, свою собственную власть, хранительницу этих законов и потому вмешательство государственной власти в суд церковный есть насилие над церковью.

Указав общия постановления Уложения о суде над духовенством монастырского приказа, патриарх пишет: «где есть в апостольских и святых отец и благочестивых царей Греческих градских законах и в старых судебниках прежних великих государей; судити, бояром и окольниковым и думным людям и дьякам и всяким приказным людям и судьям патриарха, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, архимандритов и игуменов и весь духовный чин»¹²⁹.

Несообразность такого узаконения с Божественными правилами особенно явствует из того, что по Господню обетованию «святии мирови судити будут! Не весте-ли, яко Ангелом судити хочет, а не точию житейским»¹³⁰. Ненормальность же порядков, созданных Уложением, вследствие которых «расширился государь над церковью», «весь на себя

суд и управление архиерейское взял»¹³¹, видна уже из одного того, что в таком случае нарушаются правильные отношения между пастырем и паствой. «Неподобно овце, пишет патр. Никон, пастырю указывать, но паче слушать и повиноватися по апостолу братие, рече, повинуйтесь наставником вашим»¹³². Глубоко возмущенный учреждением монастырского приказа, установившего мирской суд над духовенством, святейший патр. Никон пишет: «Где есть писано, еже бы царем и князем, бояром, и дьяком, и судием патриарха и митрополитов, и архиепископов и епископов, архимандритов и игуменов, и попов и дьяконов и причетников судить? В которых правилех писано?»¹³³ Мало того. Если кто из священного чина позволит пойти на мирской суд, тот должен считаться изверженным¹³⁴.

В доказательство своих воззрений на неприкосновенность церковного суда, святейший патриарх приводит много правил церкви¹³⁵, основная мысль которых высказана Стоглавым собором: «Не подобает князем и бояром и всяким мирским судиям священнического и иночного чина на суд привлачати, ниже таковым судити, да не обладает ими никто же от простых людей, точию великая соборная церковь обладает иереа, ниже монастыри, ниже мниси, сия вся освященная Богови возложена суть и святителем и никто же ими обладает от мирских, яко не освященна»¹³⁶. Защищает патр. Никон неприкосновенность церковного суда и писаниями св. отцев и примерами их жизни, как они мужественно противились царям—насильникам церкви, и не только сами не шли под их суд, но и их мирской суд исправляли, обличали за неправду, и не боялись ни мук, ни смерти.

Сам святейший Никон примерами сих великих мужей древней церкви возбуждал в себе ревность по церкви. Он не раз говорил, что «гроз царских не страшится, понеже имать своего Царя и Владыку Христа, глаголющего: не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить»¹³⁷. Одному из бояр он говорил «аще есть у тебя таковое повеление от царя, еже убить мя, убивай, се и место покажу ти, идеже нож или меч водрузити»¹³⁸. По делу Сытина патриарх писал, что если бы ему и смертью грозили, он непошел бы к мирскому суду и ликого бы от себя не послал, потому что это противно было бы правилам св. отец, соблюдать которых он всенародно клялся при восприятии патриаршества¹³⁹. Обращаясь к истории, патр. Никон утверждает, что не только благочестивые цари, но и иноверные свято хранили неприкосновенность церковного суда, не только сами не вмешивались в его сферу, но постановили строгие законы, ограждающие его самостоятельность. Рассмотрение царских

постановлений он начинает от Давида, указывает на Соломона, Иосафата, иноплеменного царя Артаксеркса; из христианского периода указывает на царей Константина, Юстиниана. Из русской истории упоминает о Владимире, Ярославе и др. русских князьях и царях, оставивших святительский суд неприкосновенным¹⁴⁰. Кроме подсудности церковной власти лице церковной иерархии, по взгляду патр. Никона, суду её надлежат по некоторым преступлениям все православные христиане. На нравственном характере церковного суда основано распространение его и на мирских лиц. «Послушай праведный беззакония списателю, обращается святейший Никон к Паисию, Божественного учения, еже Господь глаголет: Аз же глаголю вам, яко всяк гневайся на брата своего всуе, повинен есть суду. Которому суду?—не твоему беззаконному, но суду Божию»¹⁴¹ Исполнительницей этого суда является, конечно, церковная власть: «Иже бо аще речет брату своему рака, повинен есть сонмищу. Толкование. Собор убо не царское или боярское и прочих мирских судей, но архиерейский суд глаголет, якоже правила и царские и великих князей, таковые безчестные суды, кто кого обезчестит словом, судить архиереом»¹⁴². Если брат, согрешивший против тебя, по втором обличении не послушает тебя, то «повеждь церкви, то есть архипастырю церкви, патриарху, или митрополиту или архиепископу или епископу и подобных от сих, и он накажет его повиноватися Божественными Евангельскими заповедями»¹⁴³.

d) 4. Взгляд патриарха Никона на владельческие права церковной власти.

Необходимо было святейшему патриарху высказать свой взгляд и по вопросу о церковных имуществвах, так как в то время он начал уже выступать с большой настоятельностью, и так как в Уложении право церковной власти относительно церковных имуществ значительно сокращено. Никон долго останавливается на нем и доказывает неотъемлемость имуществ от церкви на основании священного писания и предания, канонов церкви и истории.

Субъектом владельческого права церковных лиц и учреждений, по взгляду Никона, является сам Бог. Эта теория была развита, как выше указано, еще в XVI веке; Никон только яснее формулировал ее. По воззрению святейшего Никона земельные владения даны: «Пресвятей и Живоначальной Троице и Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и Пресвятей Богородице и т. д., а не патриарху и митрополитам и владыкам и монастырем, якоже свидетельствуют писанные заповеди великого царя Константина и великого князя Владимира и прочих Боголюбцев и Христолюбцев жалованные грамоты и вкладные»¹⁴⁴. Также твердо эта мысль выражается и в следующих словах: «Почто, оставя Господа, на рабов наскакаеши? Патриарх и сам Божий раб и служитель святых церкви и ничтоже имеет своих вотчин, но что есть свободы и крестьяна, Божие наследие. Патриарх ныне сей, а по нем ин, Бог же присно есть и будет и не изменяется во век, и достояние Его пребудет во век»¹⁴⁵.

Таким образом из самого понятия о церковных имуществвах, как о Божиим достоянии, необходимо следует мысль о неотъемлемости их. Неотъемлемость церковных имений святейший Никон защищает и правилами св. Апостолов и Соборов. Так он пишет: «Правила Ап. 75, 4 всел. соб. 24, VI всел. соб. 49, соб. первого 1 и 2 и VII вс. соб. 12 и Кир. Алек. 2 пр. не повелевают что либо от святых церквей и святых монастырей отнимати или имати, в мирские же жилища притворяти, яко же и Господь утверждает: Божия Богови отдати и кесарева кесарю»¹⁴⁶. Из этого же понятия вытекает и та мысль, что временно церковными имуществвами должна пользоваться и о них заботиться церковная власть. «Божии часть и достояние – священническая часть»¹⁴⁷. Разсматривая современное ему отношение государственной власти к церковному имуществу, святейший Никон горько сетует за обидимую церковь. «На него, государя, мати его святая великая соборная церковь, которая

породила его водою и духом и хрисмою на царство помаза, обидима плачет. Он вся сущия ея вещи в дом свой посилова¹⁴⁸. Вместо дароношения за помазание на царство великий государь у святей велицей церкви поимал вотчины»¹⁴⁹. Приношения в церковь были? заповеданы еще в ветхом завете и часть этих приношений шла в пользу левитов. Из этого естественное заключение делает патр. Никон: «Аще бо древний закон и храмы и жертва сень будущих, то есть, нового закона и церкви и священства, толикою частью почтена, – колми паче подобает нового закона церкви и священству быти предпочтеннейше»¹⁵⁰. Заповедь Бога о приношениях в храм повторена и в новомъ завете в словах: «Господу рекшу, аще принесеши дар твой к олтарю»¹⁵¹... Обращаясь к канонам церкви, патр. Никон находит в них подтверждение всех своих положений относительно вопроса о церковных имуществах. Он приводит правила св. Апостол, где управление церковным имуществом поручается епископам (38, 40 и 41); особенно же останавливается на постановлении IV вселенского собора: «яже суть к монастырю имения да будут неотъемлема без вины. Насильственное обладание церковным имуществом равносильно святотатству, – еже бы царю обладати властелински церковным имением или монастырями, нигде же написано обретается, а иде же кто презорством и владети начнет святыми церквами или монастыри, или церковными и монастырскими вещьми движимыми или недвижимыми, и того ради гнев Божий бывает на него, и на все царство его, и он, яко святотатец, судится»¹⁵².

Из истории патр. Никон указывает на благочестивых царей, много жертвовавших в церковь Божию; таковы: Константин В., Юстиниан, Владимир, Михаил Феодорович; оки достойны подражания. Святейший патриарх Никон не ради обогащения церковных лиц и учреждений выступил на защиту церковных имуществ, а ради их высокой цели, которая одушевляла его при самоотверженной защите владельческого права церкви. Эту цель так изображает святейший Никон: «Церковное богатство, нищих есть богатство еже сим издовляти весь освященный чин, и вся причетники церковные, и возраста ради сирот, и в старость пришедших, и в немощи, и в недуги; впадшим, нищим в прекормление и многоубогия чади, и странним в прилежание, и убогим сиротам в промышление, вдовицам же пособие, девицам потребности, обидимым заступление, пленным искупление, в гладе–прекормление, церквам пустым и монастырем подъятие, живым прибежище и утешение, а мертвым память»¹⁵³. Обширная благотворительная деятельность монастырей и иерархов Русской церкви, обусловленная, главным образом,

их благоустроенными земельными владениями, проявлялась особенно широко в годы народных бедствий, и как показывает история, святейший Никон нисколько не преувеличивает, описывая цель и назначение церковных имуществ. Сам патр. Никон большую часть патриарших доходов тратил на устройство и содержание богаделен. Любовь святейшего патр. Никона к нищим, страдальцам составляет, одну из самых видных его добродетелей. Известна его деятельность во время голода в Новгороде, когда он пропитывал на свои средства почти весь город. В Новгороде же он устроил 4 богадельни и много в Москве. Обозреватель жизни патр. Никона свидетельствует, что никто из патриархов не расходовал столько на милостыни нищим и никто не делал столько пособия нуждающимся, как патриарх Никон (Жизнеописание Никона составл. арх. Апполосом, а также Шушериным).

Лишать церковные учреждения и власть отнятием церковных имуществ их великой благородной деятельности казалось патр. Никону, как и должно, страшным беззаконием, достойным всяческих наказаний от Бога. Святейший Никон примерами истории доказывает, как Господь карал за посягательство на церковные имена¹⁵⁴.

е) 5. Взгляд патриарха Никона на независимость церковной власти при избрании лиц церковной иерархии.

Не находил святейший Никон слов для выражения своего негодования по поводу вмешательства гражданской власти в избрание епископов и других лиц церковной иерархии. И прежде бывало участие или даже вмешательство гражданской власти в дело избрания лиц церковной иерархии, но оно ограничивалось только высшими представителями иерархии в виду их высокого значения в государственной жизни, было не постоянным, и не так решительным, как в современное патр. Никону время, когда Монастырский приказ забрал почти в полное свое ведение избрание лиц церковной иерархии, особенно, для монастырей. При том и тогда таковое участие вызывало сильный протест со стороны церковной иерархии¹⁵⁵. Как обширно было вмешательство гражданской власти в избрание чинов церкви, излагает патр. Никон в письме к цареградскому патриарху. «Сиче и ныне бывает вся царским хотением, егда хочет кто дьякон или пресвитер или игумен или архимандрит поставлятися, тогда пишет челобитную царскому величеству, и просит повеления, чтоб хиротонисали его митрополитом или архиепископом, и царским повелением, на той челобитной подпишут: по указу государя царя поставити его потом или дьяконом или иного какого чину кто во что поставляетца. И еще хиротонисают их царским словом. И егда митрополит или архиепископ или епископ хиротонисает, тогда дадут поставленную грамоту, и пишут: хиротонисася дьякон или поп повелением государя царя, а не по заповеди Божией и по правилом святых Апостол и святых Отец»¹⁵⁶ «Всем архиерейским, пишет святейший патр. Никон к царю, рука твоя обладает и судом и достоянием, страшно молвить, обаче терпеть не возможно, еже нами слышится, яко по твоему указу и владык посвещают, и архимандрит, и игуменов и попов поставляют и в ставилных грамотах пишут равночестна и Святому Духу, сиче: по благодати Святого Духа и по указу великого государя: не доволен Святыи Дух посвятити без твоего указу?»¹⁵⁷.

Усилившееся вмешательство гражданской власти в дело избрания иерархов церкви только усилило самый протест. По вопросу об избрании епископов и других лиц церковной иерархии святейший Никон пишет, обличая крутицкого митрополита: «Почто святотатче не внимаеши

писанию... Тебе кто избрал и поставил на Москве, которой ты недостойн; Аще ли речеши, яко царь повелел ти есть–и ныне виждь, яко всяк мирскими властью власть приемый, извержен есть и ты прельстився глаголеши, яко царь повелел есть... и царем вышний Царь Христос мстит за таковое беззаконие»¹⁵⁸.

Избрание епископов царем лишает их права отправления епископских обязанностей. «И елицы, пишет он, аще обрящутся избраны мирскими властью, Божественная правда не оставляет таковым быти, но изверже. И иже избрали таковых, аще и царь будет, повинен есть епитимии, а иже от таковых избранных епископов поставлены, не суть поставлены и крещены, не суть христиане»¹⁵⁹.

Вмешательство царской власти в избрание иерархов незаконно. «Царь ни есть и не может быти глава церкви, но яко един от уд, и сего ради ничто же может действовати в церкви, ниже последнего чтеца чину, а что ныне чрез волю Божию действует насильством, церкви Божии насилует»,–и далее восклицает: «Дивно есть како человеколюбие Божие терпит, еже ныне неточию сам царь сан святительский на ся восприял, но и вси во власти его сущии то творят». Для устрашения царя припоминает историю Дафана и Авирона, Саула, царя Иозию; особенно же на Иозии останавливается: Иозия вошел в храм покадить против воли священника Азарии. Азарий не устрашился гнева царскаго»¹⁶⁰.

Иерархи церкви поставляются по благодати Св. Духа, прибавление же «по указу царя» представляет благодать немощной, как будто не достаточно Св. Духа посвятить без дарского указа. «Страшно молвить, обаче терпеть невозможно сие», пишет святейший патр. Никон¹⁶¹, разумя такой порядок избрания. «Царь не боится вечных мук, но действует аки архиерей великий, и его же хочет, того велит рукополагати. Ох, ох, ох, увы, увы такового презорства и страшного прещения–кто будет поможет–от него»¹⁶². Соглашаясь на избрание нового патриарха, патр. Никон наперед предупреждает, что если он будет избран «по власти мира сего, то да не наречется по правде патриарх, но яко прелюбодей и хищник, и вместо мира да будет меч Божий и разделение»¹⁶³.

Не имея права вмешиваться в избрание чинов иерархии, не имея права покорять их своей власти, правительство светское не имеет права вмешиваться и в созвание соборов (высший орган церковного управления). Известно, как патр. Никон отзывался о соборе 1660 года, собранном по царской воле. «Аще кто ум имеяй назовет сие соборище жидовским, не погрешит истины»¹⁶⁴. «Нигде же есть таковое правило, еже царем собирати соборы». По 37 прав. Ап. епископы собираются, а не собирает их

царь или кто другой; то же подтверждают первого всел. собора 5-е пр., IV вс. с. 19 пр., VI всел. соб. 8-е пр. и VII всел. соб. 6-е пр.—Если и созывались в древния времена соборы от благочестивых царей, то созывались по умолению, а не повелением¹⁶⁵ Таким образом святейший патриарх Никон, опираясь на священное писание, предание, каноны церкви и историю, явился ревностным защитником самостоятельности, независимости церкви от государственной власти вообще, и в частности в суде, хозяйственном управлении и избрании лиц церковной иерархии. Церковь, по нему, должна в этих областях жизни руководствоваться единственно правилами св. Апостолов, Вселенских соборов и Отцев и древними постановлениями греческих царей, основанными на канолах и принятыми Вселенскою Церковию.

f) 6. Разбор воззрений патриарха Никона. Неосновательность обвинения его в папизме.

Взгляды святейшего патриарха Никона на отношение между светской и церковной властью покоятся на исторически сложившихся на Руси традициях; патр. Никон только формулировал на словах то, что было прежде в жизни. Недаром он и в доказательствах ссылается на историю. Никон, благодаря своему оригинальному, прямому и здравому уму, солидному образованию и высокому церковно-общественному положению, вполне ясно выразил все то, что уже имело основание в предшествующей истории нашей церкви и что к его времени сознавалось духовенством и влил в эти, еще не совсем ясные, воззрения весь религиозный пыл своей горячей природы, так сказать, одухотворил их; взгляды его стоят в самой тесной связи со взглядами ранних русских иерархов. Поэтому заявление почтенного историка Соловьева, что «Никон высказал свой взгляд на отношения царской власти к патриаршеской, взгляд, который никак не сходился с преданиями восточной церкви, утвержденными в России историею»¹⁶⁶, по меньшей мере неосновательно. Не основательно и обвинение святейшего Никона в папизме. Еще Паисий Газский обвинял патр. Никона в папизме; его обвинения повторили и некоторые ученые-историки Соловьев, Милюков и др.

По известиям, передаваемым Паисием, Никон хотел передать свое дело на суд папы. Известие это не заслуживает никакого доверия. Сам патр. Никон несколько раз заявлял, что он не «латинник». «Латины только приемлют четыре вселенских собора, к прочим же трем относятся небрежно. Явно, что ты оног сонмища исчадие, ибо беседа твоя явна тя творит. Мы не четыре, но семь вселенских соборов приемлем и облобызаем, как заповедано в I-м правиле седьмого всел. собора»¹⁶⁷. Недостоверность известия Паисия открывается еще из того обстоятельства, что на соборе 1667 г., осудившем Никона, совсем не было речи о его латинстве. Мог ли собор, осудивший Никона, оставить без внимания намерение Никона судиться у папы, если бы оно было действительно, чтоб не поставить его на ряду самых важных против него обвинений?

Должно принять во внимание еще следующее. Сам Паисий был склонен к латинству¹⁶⁸; в таком случае стал-ли бы он обвинять Никона, своего единомышленника? Нам кажется, что такую хулу на Никона возвел Паисий, подделяваясь под русские понятия, чтобы достичь вернее

низвержения Никона. Таким образом известие Паисия Газского не имеет серьезного значения; тем не менее оно повторено было некоторыми нашими историками, как-то: Татищевым¹⁶⁹, Иконниковым¹⁷⁰, Соловьевым¹⁷¹, Милюковым¹⁷² и другими. Более других стараются обосновать свои воззрения на Никона Соловьев и Милюков, поэтому остановимся на их мнении.

Соловьев и Милюков свое мнение, что патр. Никон держался папистической теории основывают на взглядах его. Тот и другой приводят следующие слова: «Господь Бог всемогущий, когда небо и землю сотворил, тогда двум светилам, солнцу и месяцу, светить повелел и чрез них показал нам власть архиерейскую и царскую. Архиерейская власть сияет днем; власть эта над душами. Царская власть в вещах мира сего. Мирские нуждаются в духовных для духовного избавления; духовные нуждаются в мирских для обороны внешней; в этом власть духовная и мирская друг друга не выше, но каждая происходит от Бога»¹⁷³. И вот в этих и подобных выражениях патр. Никона упомянутые историки видят папистическую теорию, сознательное стремление Никона «расшириться» и над государством, соединить в своих руках обе власти – церковную и светскую. Пусть вывод, сделанный самим Никоном, не особенно подтверждает мнение историков; тогда Милюков, напр., предполагает скрытую заднюю мысль и так обличает патр. Никона: «этому осторожному выводу противоречит только что сделанное сравнение двух властей с луной и солнцем»¹⁷⁴.

Изложенные нами воззрения патр. Никона показывают всю неосновательность суждений историков. Мы видели, что не на чем так сильно и твердо не настаивал святейший патриарх Никон, как на той мысли, чтобы каждая власть «знала свою меру» и насильно не вмешивалась в неподлежащая ей сферы. Это, можно сказать, – догмат церкви; без него она не может существовать, оставаясь церковною; если он устранял светскую власть от вмешательства в дела церковной жизни, то в данном случае он стоял на почве учения вселенской церкви¹⁷⁵. Если же святейший Никон говорил, что «священство выше царства», то он, как видели, разумел чисто нравственную высоту, а в этом смысле церковная власть и по учению отцов церкви выше светской¹⁷⁶. Если он в некотором отношении подчинял светскую власть церковной, то, действительно, представитель светской власти, по учению оо. церкви, и как человек, и как государственный деятель подчинен Закону Божию, хранительницей которого призвана быть церковная власть, и нравственно ответствен пред судом Божиим за свои действия. Церковная власть, которой самим

Божественным основателем дана власть «вязать и решить», могла судить и царя. Суд этот был, как показывает история вселенской церкви, не только внутренний, но и внешний¹⁷⁷. Что касается нового титула патриарха Никона «Великий Государь», которым соблазняется историк Соловьев, то сам патр. Никон не только не хотел что-либо на нем основывать, но даже тяготился им и считал его за пустой звук. «О том, чтобы писаться великим Государем, нашего изволения не было.... Но скажите мне – какое различие в названиях: «государь» и «господин»; все епископы и теперь пишутся великими господами, а бояре и прочие – государями; и есть-ли в том приложение чести, что как государь царь изволил велеть нам писаться великим государем»¹⁷⁸. Ко всему этому необходимо прибавить еще следующее. Патриарх Никон нигде не приписывает церковной власти прерогатив светской, а напротив утверждает, что духовная власть, владея над душами, может пользоваться только духовными средствами. «Конец патриарху, пишет святейший Никон, еже вверенных тому душ спасение, и еже жити убо о Христе. Особная патриарху еже быти учительну, еже ко всем высоким и смиренным нетесноместне изравняться, и кротку убо быти ко всемъ–о истине же и отмщении предании, соблюдети правды и благочестия глаголати пред цари и не стыдетися»¹⁷⁹. Общий дух его взглядов на отношения между светской и церковной властью, – по которому светская власть должна содействовать церковной в достижении её целей, также вытекает из учения вселенской церкви. В глазах христиан государство потеряло значение самоцели, какое оно имело во времена классические, а получило значение института, долженствующего помогать людям в достижении вечного спасения¹⁸⁰. Аргументация взгляда Никона на отношения между светской и церковной властью, как видели, по преимуществу религиозного характера; основана на изречениях священного писания и священного предания; в этом отношении он был чисто русским иерархом. Церковная власть на Руси, не смотря на то, что пользовалась громадным влиянием на общественно-государственную жизнь, не воспользовалась этим, чтобы создать себе известное правовое, более твердое и устойчивое положение. Святейший Никон, как и его предшественники, не выдвигает в своих разсуждениях правовых начал; он надеется, что обижающие церковь и церковную власть одумаются, устрашатся грядущих наказаний Божиих, и снова будут послушными сынами ея. Установив неприкосновенность церковного суда и церковных имений, святейший Никон сам готов положить за этот принцип свой живот, и не мезтью народа, преданного церкви, а угрозой отмщения Божия пытается остановить посягательства правительства на церковь. «Аще кто

не священ, дерзает священнический чин и достойные судити и владети, имать тем Бог мстити»¹⁸¹. «Сам де Никон на волю государеву положился в суде, как государь де изволит, Никон чрез Божественные веления никогда не глаголет, ни хочет да что будет, но глаголал Никон к вопрошающим посланным от царя, Божественные законы царем не повелевают возможным Господеви обладати, движимыми и недвижимыми вещми, ниже судити;... а будет царь нуждею повлечет, и на то есть царь царем и Господь Господем, иже обещался всякую неправду неправедником и насилующим отмстити»¹⁸². История показала, насколько основателен был его церковный идеализм! Выработавшийся из чисто религиозных, а не правовых начал взгляд Никона, понятно, должен был уступить место другому, более могущественному, неуклонно шедшему вперед с своими юридическими началами, взгляду государственного правительства.

Нельзя только не согласиться, что святейший патр. Никон, ратуя за церковные начала жизни, впал в некоторую крайность; стоя совершенно на правильной вселенской точке зрения по вопросу о разделении областей ведения церковной и гражданской власти, он не считал для себя нужным принимать во внимание современное состояние общественно-государственной жизни. Он хотел объять все современные отправления общественно-государственной жизни «градскими законами» Кормчей. Этим объясняется, что патр. Никон добивался и добился согласия царя разослать выписки из греческих законов—Кормчей для руководства при уголовном суде. Но Россия в XVII веке уже переросла «градские законы».

При возстановлении религиозно-церковного направления патр. Никон обнаружил некоторую горячность и крайний идеализм; он хотел горный новый Иерусалим свести на землю, во образ чего построил монастырь, наименовав его «Новый Иерусалим» и надписав над входными воротами храма: «светися светися, Новый Иерусалиме». Задавшись недостижимым идеалом водворения царства Божия на земле, святейший Никон требовал точного исполнения правил церковных прежде всего от епископов и прочего духовенства, безусловного повиновения церковной власти, в противном случае допускал жестокие наказания их, даже заключение в темнице на цепях. Потом он думал сразу исправить самое общество. Он хотел добиться повиновения уставам церковным и мирских людей, и здесь также прибегал к физической силе. В оправдание его можно только указать на дух времени.

Какие основные положения выставлены святейшим Никоном в защиту неприкосновенности церковного суда?

Суд по самому своему началу исключительно имеет религиозно-

нравственный характер и принадлежит Верховному Владыке всего нравственного, Богу. Высшим выражением воли Верховного Владыки-Судии являются откровение и каноны церкви. Всякое законодательство должно согласоваться с этими высоконравственными узаконениями и никто не имеет права вносить в них собственные человеческие определения, а тем более ограничивать круг деятельности их и подчинять их своим мирским интересам. Церковь, как обладательница этих высших узаконений, служащих усовершенствованию человека, и освященных временем, должна по праву пользоваться судебною привилегированностью, иметь свой независимый суд и расправу, не только по духовным, но и по мирским делам. Всякие попытки изменить этот церковно-судебный строй, хотя бы и вызванные благими намерениями, каковым было, напр., учреждение Монастырского Приказа, имевшее целью облечение тяжелого экономического положения народа, ведут к прямым нарушениям церковной практики и имеют своим результатом неизбежные злоупотребления, наносящая большой вред и церковным установлениям и самому государственному строю.

Каковы бы ни были недостатки и слабые стороны рассматриваемого взгляда, однако постановка и защита его представляемая патр. Никоном, должны быть признаны имеющими весьма значительный историко-юридический интерес. Своим мнением о гражданском суде над духовенством, узаконенном Уложением 1649 г., и энергическим протестом против него Никон в мельчайших подробностях показал очень ясно, что стремления правительства середины XVII века провести в всех частях государственного организма централизацию и поставить на один уровень с прочими государственными учреждениями и церковью, дотоле пользовавшуюся самосудом и сильным влиянием на государственную и общественную жизнь, ведут не к улучшению государственного строя, а к его ухудшению, к ослаблению благотворного на него влияния церкви в лице её представителей. Далее, он доказал, что церковь имеет свои законные, издревле признанные и на Руси особенно укрепившиеся, права на самостоятельность своей жизни вообще и на независимость от государства её судебных отношений в частности; что посягать на её самоуправление, по взгляду его современников, значило разрушать её законные формы жизни и ослаблять её нравственную силу.

Необходимо заметить, что и в данном вопросе патр. Никон твердо стоит на почве исторически сложившихся на Руси судебных прав церкви. Впрочем, не только на Руси, но и в Византийской церкви, особенно на первых порах, суд над духовенством и по гражданским преступлениям

принадлежал церковной власти. Это подтверждают и вселенские патриархи, бывшие на соборе 1667 г., когда запрещая «повлачать духовный чин в мирские судилища», приводят в основание «четвертого св. всел. собора, иже в Халкидоне, правило, (не указано—очевидно, 9) и святого поместного собора, иже в Карфагене, правило 15-е, и законы благочестивых царей; подобне в книзе законней Иустиниана царя, глава 58, 74, 87, и Мануйла царя Константина глава 62»¹⁸³.

Византийские судные законы перешли на Русь и нашли отголосок во взглядах Никона. Мы выше заметили, что на Руси в XVII веке еще не было разграничения суда по предметам; суд давался по лицам. Не мог делать разграничений и святейший Никон, сын своего века.

Вот причина, почему он с такою ревностью вступился за неподсудность духовенства светским приказам и по гражданским преступлениям. *Крайность* взглядов святейшего Никона относительно суда над духовенством по гражданским преступлениям в том, что он совершенно устранял от участия в нем светскую власть, тогда как она всегда принимала в таких судах некоторое участие¹⁸⁴.

Другая крайность воззрений патр. Никона по вопросу о суде церковном заключается в том, что он ставит наравне между собою законы градские или узаконения греческих царей по делам церкви и правила св. Апостол, вселенских и поместных соборов и св. отцев, и как последняя, так и первая считал неприкосновенными. Он и гражданские узаконения греческой церкви считал неизменяемыми, полагая, что святая церковь приемлет их «за едино со апостольскими и отеческими правилами», и на этом основании, между прочим, осуждал Уложение. Очевидно, патр. Никон не знал, да в то время и не мог знать, что гражданское постановление, касающееся внешней стороны церкви, может быть изменяемо и применяемо к местным условиям.

Защита патр. Никоном владельческого права церкви носит такой же характер, как и защита самосуда духовенства; покоится также на религиозно-нравственных основаниях: изречениях священного писания, учении отцев церкви, примерах священной и церковной истории, узаконениях благочестивых царей и на канонах церкви. Аргументация очень сильная и для русского человека XVII в. с его нравственными и церковными понятиями весьма убедительная. Самый характер защиты церковных владений довольно полно выработался прежнею историею. Заслуживает только особенного внимания следующее основное положение патр. Никона: *земельные владения принадлежат не патриарху, митрополитам, епископам и монастырям, а вообще церкви, как*

пожертвованные Пресвятей Троице, Пречистой Богородице и пр., поэтому церковная власть только временная приставница к ним, *верховный же владетель церковных имуществ сам Бог, Основатель Церкви*. Нечто подобное высказывалось раньше, даже в митрополичий период, но только не было так твердо и основательно сформулировано. Высота же назначения церковных имуществ—церковное строение и содержание нищих и убогих—выставляемая патр. Никоном и деятельно проводимая в жизнь, привлекала ко взглядам его симпатии особенно низшего слоя русского общества. В виду всего этого правительство в своих стремлениях секуляризировать церковные имущества должно было повременить еще на целое столетие и только в конце XVIII века (1764–67 гг.) могло осуществить их, и тогда встретив большое затруднение.

По вопросу же об избрании иерархов церкви святейший Никон безусловно стоял на канонической почве. Свобода избрания иерархов церкви – это основное условие бытия самой церковной власти. Канон церкви решительно воспрещают всякое самовольное вмешательство светской власти в дело избрания иерархов церкви. Были-ли между современниками лица, сочувствующие воззрениям святейшего Никона? История свидетельствует, что и между епископами, современными святейшему патр. Никону, были лица, вполне разделявшие его воззрения. Подьяк Федор Трофимов в «рописи, чем Никон патриарх с товарищи на царскую державу возгордились и его царский чин и власть и обдержание себе похищают», прямо указывает, что между епископами были сторонники патр. Никона, разделявшие его взгляд, что по характеру служения священство выше царства. «Патриарх Никон, говорит Трофимов, и власти пишутца и называются великими государями и свободными архиереями: мы де суду царскому не подлежим, судит де нам отец наш патриарх. Они же во своих паствах поставляют архимандритов и игуменов и протопопов самовольством, кто им годен, без указу великого государя: потому они называются свободными, а что они царскому суду не подлежат, и то есть свобода жь. А что их судити патриарху, подобно сему еже глаголет Господь: аще сатана сатану изгонит, на её разделится есть. Якоже Бог един судит всем, тако и всеобдержай царь; и аще Бог изволит и великий государь тое их гордость сломить и под свою высокую руку и под суд подклонит, то все благочестие исправитца. Они бо ради свободного жития законы превращают, и уставы преданные им прелагают, и от веры отступают, а православие с еретичеством соединяют»¹⁸⁵. Свидетельство росписи Трофимова о том, что были епископы, сочувствующие воззрениям патр. Никона, ясно показывает, что его взгляды вполне отвечали духу

русской церковной жизни, а не были привнесенным с запада «папизмом». Впоследствии на соборе 1667 г. обнаружилась полная справедливость заявления Трофимова о русских архиереях, что они желают быть свободными, не хотят подчиняться царскому суду и не хотят допускать со стороны светской власти никакого вмешательства в их епархиальные дела.

Сам патр. Никон, глубоко сознавая правду своих воззрений, был вполне уверен, что даже и народ разделяет его мысли. По убеждению патр. Никона народ назовет царя отвергшимся от церкви, если узнает, что он безчестит отца своего духовного, святейшего патриарха, что он судит его и отнимает у церкви его достояние. Та осторожность, то как бы оправдание правительством себя пред общественным мнением, с которым составлены статьи Уложения об открытии Монастырского приказа и особенно об имущественном праве церкви, вполне свидетельствует об истинности предположения святейшего патр. Никона.

Нет ничего удивительного после всего этого, что светское правительство вполне поняло всю серьезность протеста патр. Никона, идущего из самых недр Русской церкви, протеста против стремления правительства забрать церковное управление в руки государства, протеста, опирающегося на принципиальное положение – священство выше царства.

Примечания

¹ - Вопросы и ответы помещсны во 2 ч. Исторического исследования дела патриарха Никона стр. 518–550. И. Гиббенет. Спб. 1884 г.

² - Память и похвала князю рускому Володимеру, како крестися Володимер и дети своя крести и всю землю рускую от коньца и до коньца, и како крестися баба Володимерова Олга, преже Володимера мниха Иакова (во второй половине II-го века) Христ. Чт. за 1849 г. кн. 11-ая, 326 стр.

³ - Дополн. к Ак. Ист. Т. I, № 4. изд. Археограф. Коммиссии «Что ся наречет области Смоленское, или мала или велика дань, люба княжа, любо княгинина, или чия си хоти, правити десятину Святей Богородице, без всякого отписку деяти».

⁴ - Лавр. лет. под 1158 г. и под 1176 г. изд. Археограф. Ком.

⁵ - Ипат. л. под 1158 г. изд. Археограф. Ком.

⁶ - Стогл. гл. 68, стр. 301, изд. Субботина. Москва 1890 г.

⁷ - Стогл. гл. 67. Изд. Братства св. Петра Митр. Москва 1890 г.

⁸ - Стогл. гл. 68, стр. 301.

⁹ - Ibid. стр. 299.

¹⁰ - Ibid. гл. 67, стр. 297–299.

¹¹ - Ibid. стр. 299.

¹² - Ibid. стр. 318–319.

¹³ - Ibid. стр. 303.

¹⁴ - Полн. Собр. Рус. Лет. по Воскр. сп., VIII, 195.

¹⁵ - Истор. Русск. Церкви митр. Макария, т. VIII. стр. 245, изд. 1877 г. Спб.

¹⁶ - Стогл. 75 гл. Стр. 333–338.

¹⁷ - Стогл. гл. 101.

¹⁸ - Акт. Ист. т. I, № 39, стр. 74.

¹⁹ - Памятники древне-рус. кан. права А. С. Павлова, ч. 1, отв. 31. Русская Истор. Библ. Спб. 1880 г.

²⁰ - Акт. Ист. т. I, № 43, стр. 86. Окружная грамота Митрополита Ионы о измене и наветах князя Димитрия Юрьевича с убеждением, чтобы сановники и народ отложились от него и покорились великому князю под опасением церковного отлучения.

²¹ - Ibid. № 69, стр. 121. Соборная грам. о кончине Митроп. Ионы о приезде в Москву на поставление преемника его, Феодосия, Архиеписк. Ростов.

²² - Памят. др.-р. церк. права Павлова 706 стр.

²³ - Никон. Лет. VI, стр. 54, г. 1473-й.

²⁴ - Ник. лет. VI, стр. 144, под 1496 г.

²⁵ - Мак. VI, 210, изд. 1870 г. Спб.

²⁶ - Доброклонский. Руководство по истории рус. церкви, 215 стр.

²⁷ - Муравьев. «Сношение России с Востоком», 200–203 стр.

²⁸ - Назв. послание напечатано в Христ. Чт. 1869 г. ч. 2-я, стр. 880–888.

²⁹ - Христ. Чт. 1869 года, ч. 2-ая 880 стр.

³⁰ - Ibid. 880, 887 и др.

³¹ - Ibid. 880.

³² - Ibid. 881.

³³ - Ibid. 881.

³⁴ - Ibid. 885–886.

³⁵ - Ibid. 883, 884, 887, 888.

³⁶ - Ibid. 882.

³⁷ - Ibid. 887.

³⁸ - Православный Собеседник 1867 года, ч. III, 93 стр. «Иов патриарх Московский».

³⁹ - Соловьев. Ист. Рос. Т. 8-й, стр. 182.

⁴⁰ - Ibid. стр. 186 или А. Экс. II, № 67.

⁴¹ - Рукоп. Филарета, патр. Московского (в печати), стр. 17.

⁴² - Служение Ермогена, патр. Московского, бедствующему отечеству. Правосл. Собесед. 1866 г. ч. II-я, 98 стр.

⁴³ - Рукопись патриарха Филарета издан. в Москве 1837 года, 36 стр.

⁴⁴ - Ibid. стр. 42.

⁴⁵ - Собр. госуд. Гр. и д. II, 491.

⁴⁶ - Соловьев. История Рос. т. VIII, стр. 396–399.

⁴⁷ - Собр. госуд. грам. и договоров т. III, № 1, 2, 3, 4.

⁴⁸ - Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 283.

⁴⁹ - А. А. Э. т. III, № 108, стр. 148.

⁵⁰ - Дополнение к Истор. Ак. II, № 76.

- 51 - Смирнов. «Святейший патриарх Филарет Ник.». Чтения в Общ. люб. дух. просвещ. 1873, ч. 1-я.
- 52 - Собр. госуд. грам. и договоров т. III, стр. 120.
- 53 - Архиеп. Филарет. Истор. Рус. Церкви, пер. IV, 26 стр.
- 54 - Новый летописец во Времен. кн. XVII, стр. 18.
- 55 - Митр. Макарий. Истор. Русс. Цер. XI, 67–68 стр.
- 56 - Ист. Рус. Церк. митр. Макария, т. XI, стр. 92.
- 57 - А. Э. III, №№ 249, 296. Рус. Истор. Библ. 11, № 164 или А. И, т. 4, № 35 (1649 г.). Память Верхотурского воеводы приказчику Ирбитской слободы: о строгом наблюдении, чтобы служилые люди и крестьяне в воскресные и праздничные дни ходили в церковь, удалялись чародейства и пьянства и не заводили непристойных игрищ.
- 58 - Прил. к XI тому Истории России Соловьева, стр. III–IV.
- 59 - Акт. Эксп. III, № 325, IV, № 40, № 321 и др.
- 60 - Проф. Знаменский. Рук. по Церк. Истор. 194.
- 61 - Акт. ист. III, № 66, 84, 92, 97, 119, 120, 123, 129, 133.
- 62 - Ак. Экс. т. III, №№ 133, 139, 178 и др.
- 63 - А. А. Эк. т. II, № 68. Ак. ист. III, № 79 и 84 и др.
- 64 - Собр. Госуд. грам. и договор. т. III, № 61, 71, 73, 79, 82, 97, 111, 140.
- 65 - Собр. Госуд. грам. и догов. III, № 71.
- 66 - Макарий. Ист. Русс. Церкви XI, 71.
- 67 - Подроб. о патриар. приказах: Каптерев. «Светские арх. чиновники».
- 68 - А. Эк. IV, № 155, стр. 205.
- 69 - Акт. Экс. I, № 386; II, № 16, 62; III, № 67; Акт. Ист. II, № 58, 69, 77, 86. Собр. Госуд. грам. и догов. т. III, № 69, 94, 95, 104, 108, 119, 120, 126, 129.
- 70 - Акт. Эксп. III, №№ 225, 262, 274, 275, 284 и др.
- 71 - Ibid. № 285.
- 72 - Макарий. Ист. Рус. Цер. т. XI, 183.
- 73 - Макарий, Истор. Рус. Церкви т. XI, 183–186 стр.
- 74 - Улож. гл. XIII, ст. 3; Пол. Соб. Зак. т. I, № 213.
- 75 - Горчаков. «Монастырский приказ», 91–92.
- 76 - Макарий. Ист. Русской Церк. т. XI –200 стр.

⁷⁷ - Горчаков. 82–83. 91–93 и др.

⁷⁸ - Горчаков. «Монаст. приказ», 82–83, 89 и др. Знаменского Руков. 195. Гиб. «Дело п. Никона» ч. II, 34–54.

⁷⁹ - Мы согласно принятому нами методу—держаться той почвы, на которой стоял в разсуждениях об отношениях властей п. Никон, не излагаем статей Уложения, не имеющих отношения к вопросу о суде и владениях церкви, хотя и имеющих некоторое значение для нашего вопроса. В примечании кратко считаем нужным восполнить этот в некотором отношении пробел. Государство по законам Уложения берет под свое покровительство Церковь: такое покровительство было и раньше, но только тогда не было внесено в законодательство, как это сделано в Уложении. Уложение охраняет предметы православной веры и церкви от поругания и с этой целью узаконяет жестокие наказания за богохульство (гл. I, ст. 1), за неуважение церковных мест (гл. I, ст. 2–9), за лжеприсягу (гл. X, ст. 161–166, XIV, 9–10. Ограждает православных от совращения в басурманство (XXII, 24) и принимает меры против самой возможности совращений (XX, 70); обращению же иноверных в православие содействует (XX, 71, 97. 100. 118), строго наказывает за церковные татьбы (XXI, 14). Охраняет честь служителей церкви, духовенства (X, 83), хотя наказание за безчестье приходского духовенства было очень не велико штраф 5 руб.; эта мера была даже обидна и «приходские попы» писали царю: «Если и придется кому заплатить за безчестье попа или дьякона, то бояться нечего, потому что по благому совету бояр твоих, безчестье положено очень тяжкое мордвину и черемису пять рублей, да четвертая собака пять же рублей; и ныне похвальное слово у небоющихся Бога: бей попа, что собаку, лишь бы жив был, да кинь пять рублей» (Истор. России. Соловьев. т. XI, 291), духовные же лица, начиная от архимандрита и ниже за безчестье мирянину мог подвергнуться правезу, если не выплачивал штрафа (X–84). Духовный чин освобожден от воинской повинности и других обязательных служб государству (XVIII, ст. 52).

⁸⁰ - Акт. Экспед. т. IV–№ 57.

⁸¹ - Собр. Госуд. грамот. и договор. т. III, № 164.

⁸² - Свящ. Михайловского. Святейший Никон п. Всероссийский. Стр. 1863 г. т. III–163.

⁸³ - Собран. Госуд. грамот и договор. т. III, № 147, стр. 471. Москва 1822 года.

⁸⁴ - Акты Археогр. Эксп. т. IV–№

⁸⁵ - Грамота патр. Никона к Конст. патр. Дионисию. Записки Отд. рус.

и слав. Археологии, т. II, стр. 515.

⁸⁶ - Мнение патр. Никона об Уложении. Записки русск. и слав. Археологии, т. II-ой, 490 стр.

⁸⁷ - Возражения патр. Никона на вопросы Стрешнева и ответы Газского митроп. Паисия; рук. Соф. библи., хранящ. в С.-Петербур. дух. акад. № 1371, 77/76 об., 78/77; ср. 114/113.

⁸⁸ - Рук. 124/123.

⁸⁹ - Мнение патр. Никона об Уложении. Записки русск. и слав. Археологии, т. II, 456 стр.

⁹⁰ - Письмо патр. Никона к цареград. патр. Дионисию. Записки Отд. русск. и слав. Археологии, т. II, 529 стр.

⁹¹ - Рук. 110.

⁹² - Рук. 105/104.

⁹³ - Письмо п. Никона... Записки рус. и сл. Археол. т. II, стр. 529; ср. Рук. 93/92 об., 104/103 об., 105/104.

⁹⁴ - Рук. 74/73 об.

⁹⁵ - Письмо. Ibid. стр. 529.

⁹⁶ - Рук. 101/100.

⁹⁷ - Рук. 122/121, 123/122 об., 136/135 об., 165/164.

⁹⁸ - Рук. 111/110.

⁹⁹ - Рук. 111/110 об.

¹⁰⁰ - Рук. 102/101.

¹⁰¹ - Гиббенет. 217 и 218 стр.

¹⁰² - Рук. 164/163.

¹⁰³ - Рук. 142 об.

¹⁰⁴ - Мнен. 481 стр.; тоже Рук. 276.

¹⁰⁵ - Рук. 139/138.

¹⁰⁶ - Рук. 139/138 об.

¹⁰⁷ - Записки Отд. рус. и сл. Археологии, т. II, стр. 516.

¹⁰⁸ - Гиббен. II-я ч., 247 стр.; ср. Соловьев. Ист. России, т. XI, 321 стр.

¹⁰⁹ - Мнен. 459.

¹¹⁰ - Мнен. 479.

¹¹¹ - См. Улож. X ч., 83 и 84 стр.; ср. Рук. 240 об.

¹¹² - Мнен. 448.

¹¹³ - Мнен. 449.

- 114 - Мнен. 465.
115 - Рук. 99/98 об.; Гиб. ч. II-я, 216 стр.; Мнен. 460.
116 - Рук. 100/99 об.
117 - Рук. 176 об.
118 - Рук. 142 об.
119 - Мнен. 460.
120 - Мнен. 464.
121 - Гиб. II-я ч. 228, 229.
122 - Рук. 124/125 об.
123 - Рук. 97/96 об.
124 - Рук. 146 об., 147 об.
125 - Рук. 187 об.
126 - Мнен. 430 стр.
127 - Мнен. 438 стр.
128 - Мнен. 443 стр.
129 - Мнен. 445 стр.
130 - Мнен. 468 стр.
131 - Рук. 90/89 об.
132 - Мнен. 449 стр. примеч.
133 - Мнен. 455 стр.
134 - Рук. 245 об.
135 - IV всел. соб. 9, 2 Ап. 15 Карө. др.; Мнен. 455–456 стр.
136 - Рук. 183 об.
137 - Мнен. 483 стр.
138 - Мнен. 493 стр.
139 - Записк. Отд. рус. и сл. Археологии, ч. II, 572 стр.
140 - Рук. 148 об.–153 об.; 175 об.–185.
141 - Мнен. 443 стр.]
142 - Мнен. 445 стр.
143 - Мнен. 449 стр.
144 - Мнен. 453 стр.
145 - Мнен. 451 стр.
146 - Рук. 97/96 об.
147 - Мнен. 452 стр.

- 148 - Мнен. 473 стр.
 149 - Рук. 97/96.
 150 - Мнен. 454 стр.
 151 - Мнен. 473 стр.
 152 - Рук. 98/97 об.
 153 - Рук. 135/134; 98/97.
 154 - Мнен. 455 стр.
 155 - Дьяконов. К ист. др.-рус. церк.-госуд. отношений (митр. период).
 Истор. Об. т. 3-й.
 156 - Зап. рус. и сл. Арх. 520 и 527 стр.]
 157 - Челобитная патр. Никона. Гиббенет. Дело патр. Никона. 510 стр.,
 ч. II-я.
 158 - Рук. 115/114; ср. 118/117 об.
 159 - Мнен. 459–460 стр., ср. 480–481 стр.
 160 - Рук. 102/101 об.
 161 - Соловьев. Истор. Рос. XI, 313; Письмо к п. Дионисию. Зап. отд.
 Рус. и сл. Арх. 526 стр.; Субботин. Дело п. Никона–48 стр.
 162 - Рук. 130/129.
 163 - Акт. об избр. нового патриарх. Гиб. II ч., 145 стр.
 164 - Рук. 69/68 об.
 165 - Рук. 68/67 об.; ср. 92/91.]
 166 - История России т. XI, 320 стр.
 167 - Гиб. ч. II-я, 194 стр.
 168 - Субботин. Дело п. Никона 50 стр., прим.
 169 - Истор. России, т. II, стр. 428.
 170 - Опыт иссл. о культ. значении Визант. в Рус. Ист. 264 стр.
 171 - Ист. России, т. XI, 320–321 стр.
 172 - Очер. по ист. Рус. культуры II в., 143 стр.
 173 - Соловьев. Ист. России, т. XI, 321. Очер. по ист. Рус. культ.
 Милюкова ч. II, 143.
 174 - Ibid.
 175 - Подробнее о самостоятельности и независимости церкви и Церк.
 власти. Бердников. Госуд. полож. религии в Римско-визант. империи, т. 1-
 й. 482, 426–428, 446–451, 493–494, 498–502, 504... Прокошев. «Гр. Иоанна,
 еп, Смоленск.», 178–239. Родников. Учен. блаж. Август. 95–98. 102–107 и

др.

¹⁷⁶ - Родников. Учен. бл. Август. 59–61, 107–110.]

¹⁷⁷ - Родников. Учение блаж. Август. о взаимных отношениях между госуд. и церковью–55–58 и др. Прокошев. Труды. Иоанна, еп. Смоленскаго–240–248, 276–280 и др.

¹⁷⁸ - Гиб.–Дело п. Никона–ч. II; 196.

¹⁷⁹ - Рук. 78/77.

¹⁸⁰ - Бердников. Госуд. полож. религии во вр. В. имп. 489–491.

Прокошев. Кан. тр. Иоанна, еп. Смол. 240–248, 276–280 и др. Родвиков.

Учение блаж. Август. о взаимн. отн. между церк. и госуд. 41–44, 110–114.

¹⁸¹ - Рук. 164.

¹⁸² - Рук. 165.

¹⁸³ - Мат. для ист. раскола, т. II, 247.

¹⁸⁴ - Подробнее о церковном суде перв. веков христианства.

Бердников. Курс церк. права 136, 187 – и Прокошев. Канон. тр. Иоанна, еп. Смол. 240–298.

¹⁸⁵ - Матер. для ист. раск. т. IV, стр. 296.

Содержание

Взгляды Патриарха Никона на отношение между светской и церковной властью в историческом освещении А. Жуков	1
Глава первая. Краткий очерк отношений между светской и церковной властью за митрополичий период.	4
а) 1. Наделение князьями церкви и властей церковных средствами содержания и судебными правами. Церковные органы управления и суда.	5
б) 2. Неудачные попытки некоторых великих князей ограничить создавшиеся на Руси привилегии Церкви и церковной власти.	10
с) 3. Митрополит, как верховный правитель Русской Церкви.	13
д) 4. Влияние церковной власти на государственные дела.	19
Глава вторая. Отношения между светской и церковной властью от начала патриаршества на Руси до издания соборного уложения Алексея Михайловича.	21
а) 1. Причины учреждения патриаршества. Взгляд первого русского патриарха на отношения между светской и церковной властью. Характер отношения властей по фактам смутного времени и при патриархе Филарете Никитиче. Падение общественно-государственного значения церковной власти при патриархе Иоасафе I-м и Иосифе.	22
б) 2. Судебные и владельческие права церковной власти в до-уложенный период. Выделение патриарха из ряда иерархов по указанным правам.	35
Глава третья. Перемена в отношениях между светскою и церковною властью с изданием Уложения.	39
а) 1. Общее направление в церковных вопросах соборного Уложения. Судебные и владельческие права церковной власти по Уложению.	40
б) 2. Существо перемены в отношениях между светской и церковной властью по Уложению.	46
Глава четвертая. Отношение между светской и	49

церковной властью при патриархе Никоне.	40
а) 1. Возстановление общественно-государственного значения церковной власти при патриархе Никоне и вместе исторически сложившейся самостоятельности её в церковных делах. Опала патриарха и неблагоприятные последствия ея.	49
б) 2. Взгляд патриарха Никона на церковную власть, на отношения к ней светской и на взаимные их отношения.	55
с) 3. Взгляд патриарха Никона на судебные права церковной власти.	63
д) 4. Взгляд патриарха Никона на владельческие права церковной власти.	66
е) 5. Взгляд патриарха Никона на независимость церковной власти при избрании лиц церковной иерархии.	69
ф) 6. Разбор воззрений патриарха Никона. Неосновательность обвинения его в папизме.	72
Примечания	80